

НАШИ ТАМ

ГЕННАДИЙ ТАРАСОВ

СЕДЬМОЙ
ПРИНЦИП

Наши там (Центрполиграф)

Геннадий Тарасов
Седьмой принцип

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Тарасов Г. В.

Седьмой принцип / Г. В. Тарасов — «Центрполиграф»,
2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08928-1

Иногда жизненные обстоятельства затягиваются на шее морским узлом. Герой романа Вениамин Лисицын, простой реставратор мебели, не стал им поддаваться, напротив, решил идти вперед и, чего бы это ему ни стоило, узнать, почему все силы мира ополчились против него. И у него получилось. Пройдя сквозь множество испытаний, заглянув за край и вывернув жизнь наизнанку, он победил — стал хозяином своей судьбы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08928-1

© Тарасов Г. В., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Геннадий Тарасов

Седьмой принцип

Глава 1

Падение

Пока еще, в эту самую секунду, в это звенящее мгновение, его зовут Вениамин, Веня Лисицын, многие предпочитают говорить просто Лис, но как будут звать его и кем он будет, когда сделает хотя бы один еще шаг вперед?

Он стоял на самом краю парапета на крыше девятиэтажного дома, в котором прожил последние десять лет. Смотрел на небо над головой, на дома, выстроившиеся перед ним, как молчаливые караульные или свидетели, на город, то ли тонущий в дымке, то ли восстающий из нее, и пытался заглянуть за горизонт, линию которого отсюда можно было увидеть в единственном месте – за излучиной реки. Вениамин понимал, что прошлая жизнь осталась у него за спиной, а впереди ждало неведомое, причем вне зависимости от того, шагнет он напрямую с крыши немедленно или же найдет способ и возможность спуститься на землю невредимым.

С прошлой жизнью он прощался нерешительно, но обреченно. И, по правде говоря, эти перемены не были его выбором. А точнее, сам он на них никогда бы не решился, хоть и желал уже давно, но события стали происходить сами собой, и их логика была такова, что влиять на их ход он не мог никоим образом. Не влиял, но и увернуться от этого колеса тоже не умел.

Если бы кто-то взялся его расспрашивать, каким образом случилось так, что он оказался в положении человека, собирающегося свести счеты с жизнью, он не нашелся бы что ответить. Во-первых, Вениамин абсолютно не помнил, как оказался на этой крыше и, тем более, как и зачем забрался на парапет. И, во-вторых, насколько сам себя понимал – он вовсе не собирался прекращать свою жизнь, но только хотел ее изменить. Беда лишь в том, что он совершенно не представлял, как это сделать другим, не столь радикальным методом. Теперь же, стоя на краю, он отчетливо, ясно и с каким-то внутренним ликованием понимал, что да, это тоже выход.

Освобождение от всего, что угнетало и унижало его последние месяцы и дни, было рядом, на расстоянии вытянутой руки, и это ощущение свободы, этот липкий ужас и восторг осознания полной над собой власти обволакивали, словно язык хамелеона, и тянули, увлекали туда, в пропасть невозвратного.

К счастью, страх высоты пока оставался сильнее. Но к счастью ли? А может быть, правда рвануть вперед и прекратить все разом, к чертовой матери?

Круг, в который он попал, казался замкнутым, и выхода из него не наблюдалось. Хуже всего то, что сил не только продолжать поиски выхода, но даже думать на эту тему у него, похоже, совсем не осталось. Ему бы сделать шаг назад и перевести дух, но что-то неумолимо подталкивало его заглянуть за край. Странно, он почти физически ощущал эти легкие, но настойчивые толчки в спину...

Вся эта волна неприятностей стала подниматься вокруг него примерно неделю назад. А ведь до того ничто, как говорится, не предвещало грядущей катастрофы. Совершенно неожиданно на работе его обвинили в том, чего Вениамин конечно же не делал. Будто бы редкий старинный комод, который он же и реставрировал, был продан им на сторону, в чужие руки. Абсурд! Все прекрасно знают, что он скорее отдаст свое, чем возьмет чужое, тем не менее обвинили. Конечно, он ни при чем, ни сном ни духом! Самое интересное, что и комод-то вскоре вроде нашелся, и даже подтвердилось, что он к этой интриге непричастен, а виновны как раз другие люди, но уволили с работы все равно Вениамина. В связи с потерей доверия и во избе-

жание утраты клиентов. Потому что история получила широкую огласку. Владелица комода была влиятельной особой, и уж она-то постаралась создать как можно больше шума.

Чтобы как-то успокоить заказчиков, нынешних и потенциальных, нужно было на кого-то списать происшествие, а лучшей кандидатуры, чем Веня, как ни крути, не просматривалось. Несмотря даже на то, что такие руки, как у него, на дороге не валяются. Золотые руки, прямо скажем, но ведь и характер у него совсем безответный, так что ему за все отвечать, ему. И спасибо еще, что не по статье уволили, а по обоюдному согласию сторон, но утешение это слабое, поскольку в их профессии все знали друг друга, и что ему теперь было делать, где искать работу, Вениамин совершенно не представлял.

А неделю спустя, то есть сегодня, его выставили и из собственной квартиры.

Он ушел из дому рано утром и полдня бродил по городу в тщетных поисках работы. История с комодом еще была у всех на слуху, поэтому никто не рисковал с ним связываться. Приходи, говорили, через полгода, когда все забудется, тогда возьмем тебя с радостью. Но он не мог ждать так долго, заработок ему позарез требовался уже сейчас. Потому что у него была семья, какая никакая, но все же, жена Марина, о которой он должен был заботиться и каким-то образом обеспечивать.

Марина, мягко говоря, имела сложный характер, и всегда, даже в самые благоприятные и успешные времена, с ней было нелегко ладить, но когда начались эти его неприятности с работой, с ней и вовсе сладу не стало.

«Ну, скажи мне, с кем еще могло такое случиться? – вгрызалась она в его сознание. – Только с тобой! Я ни минуты не сомневалась в том, что в конечном итоге все повесят на тебя. Ведь ты идеальный козел отпущения! И знаешь почему? Потому что ты на самом деле козел! Дурак ты! Уж сам бы взял и толкнул кому-нибудь тот чертов комод, хоть денег заработал бы, ей-богу! А так ни денег, ни работы, ничего! Еще хорошо, что за комод платить не пришлось, вот чем бы ты расплачивался, а? И что теперь собираешься делать? Где думаешь работу искать? Куда можешь пойти? Ведь ты ничего, кроме как ковыряться в своих деревяшках, не умеешь...»

Надо признаться, что Марина была совсем невысокого мнения о его талантах и никогда этого не скрывала. Может, повышала так свою самооценку, а может, так относилась к нему самому, скорее же, и то и другое вместе. Конечно, он не оправдал ее ожиданий... Во всяком случае, он никогда ее не обманывал, но этого, как оказалось, было недостаточно.

«Еще чего не хватало! – говорила Марина, становясь в позу драчливой курицы и поднимая перья на загривке. – Только попробуй!»

Но пробовала-то как раз она, о чем Лис давно уже догадывался, а тут как раз и убедился. Вернувшись домой часам к трем после бесцельной ходьбы по городу, он не смог открыть дверь квартиры. Не сразу сообразил, в чем дело – вроде и квартира та, и дверь, и номер на ней, седьмой, – тот же, но не открывается. Пришлось звонить. Дверь распахнулась сразу, словно его ждали. На пороге стоял незнакомый мужик.

– Ты кто? – спросил Веня оторопело.

– Анатолий я, – сказал мужик весело и громко и выгнул в улыбке щетку густых пегих усов. Был мужик высок, на полголовы выше Лиса, обладал стриженным бобриком седых волос и вообще являл эталон красавца, если можно считать красавцем мужчину за пятьдесят. – Зови меня просто Толян, разрешаю. Ведь мы с тобой почти братья, молочные. Правда, сразу – бывшие.

– Не понимаю, – сказал Веня и помотал головой. – Впрочем, не важно. Что ты делаешь в моей квартире?

– Видишь ли, – сказал Толян Лису, – это уже не твоя квартира, и ты здесь больше не живешь.

– Как так? – не согласился Лис. – Это почему?

Из-за плеча Анатолия выглянула жена Марина.

– Лисицын, не конфликтуй! – сказала она злым голосом. – Все кончено, я от тебя ушла.
– Как это ушла? – продолжал тупить Веня. – Ты там, я здесь... Как ушла?
– Ушла – значит ушла! – подхватил нить разговора Толян. – А как ушла – не важно. Так

тоже бывает.

– Но это моя квартира, мой дом! – продолжал из последних сил, по инерции настаивать Вениамин. – Вы не можете просто так оставить меня на улице! Не имеете права!

Лис еще пытался докричаться до жены и обращался к ней, но Марина пряталась за спину перекрывшего дверной проем Толяна и отмалчивалась. Толян между тем и без ее словесного участия отлично справлялся со слабой атакой бывшего хозяина жилплощади.

– Не стоит так драматизировать, – сказал он. – Не на улице, а в подъезде. И здесь, заметь, у тебя тоже есть крыша над головой. А-га-га! – заржал он, как жеребец, запрокинув голову и явив на обозрение свои длинные желтые зубы. – Ты, конечно, можешь считать, что ушли тебя, – кончив ржать, стал разъяснять сложившуюся ситуацию не нашедшемуся что ответить на его ржание Лису Толян. – И это, несомненно, правильно. Ты можешь обижаться, и, наверное, ты имеешь на это право. Хотя, как по мне, обижаться ты должен на себя прежде всего. Потому что потерять такую женщину, как Марина, это, скажу тебе, братишка, нужно быть дураком. И не простым дураком, а особенным, выдающимся, полным и окончательным кретином. Каковым ты и являешься.

При этих словах Толяна Марина прижалась щекой к его обтянутому черным трикотажем футболки накачанному плечу, пряча радостную и счастливую улыбку, и довольно замурлыкала. Лис видел, что за радостью жены, за всеми ее позами, жестами, улыбками и телодвижениями сквозила злость. Она зла была на него сверх всякой меры, вот в чем дело. Но, положив руку на сердце, он никогда...

– С этих позиций что хотелось бы тебе разъяснить еще, – продолжал наставлять Лиса в его новой жизни Толян. – Дергаться по поводу квартиры тебе не советую, поскольку шансов у тебя все равно ноль. Это я тебе как брат депутата городского собрания говорю. Усекаешь? Будешь скандалить, я тебя с лестницы спущу, это для начала. А потом закроем тебя в каталажку, надолго. Повод и причину найдем, это очень легко сделать, поверь мне на слово. Лучше на слово, чем, знаешь, на собственном опыте убедиться. На собственной шкуре. А сейчас иди и решай возникшие у тебя проблемы, их у тебя есть. С жильем и прочие. И не теряй даром времени, мой тебе совет, пока на дворе еще светло. Потом, скажем дня через три, придешь, мы тебе кое-какие вещички соберем, заберешь. Сегодня нам не до того было и не до того будет, сам понимаешь – медовый месяц. Марина тебе в сумку покидает что-нибудь, на первое время. Мы же не звери, понимаем, что надо человеку чем-то и тело прикрыть. Да, Мара? – И он снова заржал, запрокинув голову: – А-га-га!

Наржавшись и налязгавшись зубами, он сказал:

– Все, прием окончен! – и захлопнул дверь перед носом впавшего в совершенный ступор Лиса.

Веня какое-то время продолжал стоять перед дверью квартиры, некогда доставшейся ему в наследство от родителей, которая вдруг, по не зависящим от него причинам, перестала быть его домом. Оцепенение никак не оставляло его, тем не менее что-то словно случилось с его слухом, который обострился необычайно, и звуки, здешние и потусторонние, воспринимались им четко и неестественно ярко. И он услышал, едва закрылась дверь, как с той ее стороны, в квартире, случился какой-то шум, переполох, очень похожий на бурное проявление радости и восторга, а потом на нее, на дверь, опять же с той стороны, навалилось что-то тяжелое, отчего она напряглась и застонала. Тяжесть отшатнулась от двери и вновь вернулась, и принялась совершать возвратно-поступательные колебания в неспешном, глубоком ритме, и дверь отвечала на эти проявления чувственной материальной жизни собственными ритмичными постановками и поскрипываниями. Лис вспомнил, что плечо Марины, когда она выглядывала

из-за спины Толяна, было обернуто знакомым ему голубым материалом. Она любила надевать этот полупрозрачный голубой дедероновый халатик на голое тело и в таком виде расхаживать по квартире. Иногда она подходила к окну и, расставив широко ноги и раскинув руки, становилась против света, и солнце вспыхивало золотой короной в ее завитых волосах и, ласковыми, заинтересованными лучами рисуя ее силуэт, отделяло от пустого пространства каждый изгиб, каждый бугорок, каждый волосок ее тела. Любимый способ соблазнения. Вообще-то способов она знала много, но этот был любимым. В этом халатике она могла спуститься во двор к молочнику или на лестничной площадке любезничать с почтальоном, который краснел и, надвигая фуражку на нос, прятал глаза. Но все это делалось, чтобы позлить его. А может, и не только для этого. Давно это было, и вот, похоже, вернулось вновь, но только уже не для него. «Была жена Марина, оказалась – Мара», – подумал он.

Мара, ночной кошмар. Хотя уже и не только ночной...

Потоптавшись еще у двери, послушав стоны, и вздохи, и всплески смеха, Веня повернулся и, как во сне, пошел по лестнице, но не вниз, а наверх. Что им двигало в тот момент, что направляло, он не знал, но именно так он оказался на крыше, а потом и на самом ее краю, на парапете.

Мысли о Марине не шли из головы. Худо-бедно, но почти тринадцать лет они прожили вместе, и, положив руку на сердце, эти годы можно было засчитать скорее в плюс, чем в минус. Хотя, конечно, бывало всякое. Как ни странно, внутренне он оказался готов к тому, что произошло, возмущала лишь наглость подачи. К тому же худшего момента для семейной катастрофы трудно было придумать. Все одно к одному, все в кучу, и куча – прямо ему на голову...

Они познакомились, как ему казалось тогда, совершенно случайно, в одном южном городе, в котором лично он обучался на курсах реставраторов, существовавших в то время при Художественной академии, и куда его направило руководство Художественно-реставрационных мастерских, тех самых, где он работал до недавнего времени. Ведь, чтобы иметь право заниматься реставрацией антикварных предметов мебели и искусства, кроме умелых рук нужно обладать хотя бы начальным уровнем специальных знаний и соответствующим аттестатом, удостоверяющим их наличие, причем документ имел первичное значение. Без аттестата о реставрации музейных вещей нечего и думать. Знания и аттестат же можно было получить как раз в указанной академии. Обучение было платным, но руководство мастерских пошло на траты, посчитав правильным сделать инвестиции в такого перспективного специалиста, как Веня. И надо подчеркнуть, что Лис всегда помнил проявленную к нему доброту и оказанное доверие и старался на них отвечать соответственно.

Южный город, как ему и положено, находился у теплого моря, поэтому в любое время года был полон отдыхающих планово и прочих перелетных туристов, и если первые заполняли многочисленные санатории, расположенные в береговой зоне, вторые селились в гостиницах и на съемных квартирах по всему городу. И места хватало всем. Тем более в межсезонье.

Марина с подружкой приехали в санаторий у моря по горящим путевкам откуда-то с севера. Была осень, и море уже остыло, да и солнце, даром что сияло ярко, не грело как прежде. Неудивительно, что, лишенные полноценного пляжного томления, девушки скучали и старались себя развлечь разными способами, в том числе и с помощью легкого курортного флирта. Никто не предполагал, что их с Мариной мимолетный танец затянется так надолго.

Судьба свела их в одной точке пространства, когда он, коротая казавшийся бесконечным в чужом городе выходной, – а было воскресенье, он точно это помнил, – выбрался на Приморский бульвар подышать морским воздухом. Море, как естественное продолжение города, началось сразу за узкой полоской пляжа, в легкой пене прибоя, и раскатывалось живым ковром, постепенно темнея ворсом, до самого горизонта. Облокотившись на бетонную балюстраду, выбеленную известкой к началу сезона и теперь уже изрядно облупившуюся, Веня душой и

телом подался навстречу этому извечному чуду природы, одинаково захватывающему своей магией и давних ценителей, и неофитов.

Дальний горизонт был нарисован уверенной кистью на заднике этой естественной декорации, обозначая место, где, по идее, море соприкасалось с небом. Горизонт был хорошо и ясно виден, но фокус заключался в том, что его на самом деле не существовало. Он был всего лишь иллюзией, если хотите, обманом, и в этой мистификации мирового масштаба наравне с небом участвовало море и – да, многочисленные заинтересованные зрители. Море манило, смущало души зовом романтики и обещанием исполнения надежды и, конечно, обманывало. Обманывало всех, кто был склонен к тому и хотел обманываться. Веня был склонен. Ах, если бы кто знал, как часто он бросался за очередной фата-морганой в надежде, что на этот раз она не растает в воздухе пустым миражом! Ведь что-то должно же наконец сбыться в его жизни?

Да, Веня был склонен обманываться, но характер при этом имел довольно скрытный, поэтому ни у кого подобных подозрений на его счет даже не возникало.

Сидевшие неподалеку на скамейке девушки рассмеялись. Веня повернулся к ним и широко и искренне улыбнулся в ответ, не сомневаясь – смех адресован ему. Как уже отмечалось, он был склонен обманываться, к тому же близкое море нашептывало что-то такое в ухо и подталкивало, и уговаривало совершить очередной акт самообмана.

Одна из девушек выглядела более зрелой. «Старшая подруга», – сообразил Лис. Так оно и оказалось впоследствии. Вене приглянулась та, что младше, светлоглазая и светловолосая, поэтому, когда девушки поднялись со скамейки и, оглядываясь на него и пересмеиваясь, пошли вглубь бульвара, он не раздумывая последовал за ними. Побудительные мотивы, заставившие его искать нового знакомства, были ему не вполне ясны, но на душе уже запрыгал радостный оранжевый мячик, и этого было достаточно.

Все стало более или менее понятно через неделю, когда у девушек закончился отпуск и он провожал свою новую знакомую в аэропорту. Марина, как звали девушку, до того момента державшаяся бодро и даже весело, вдруг уткнулась ему головой в плечо и разрыдалась. Веня от неожиданности растерялся. Ему, конечно, было лестно, что кто-то так горько плачет из-за расставания с ним, но, с другой стороны, эти слезы заставили его почувствовать себя немного и подлецом. Он чувствовал вину, не зная вины. Не знал он, однако, и того, что испытывать это чувство в дальнейшем ему придется неоднократно.

– Что ты, что ты, – пробормотал Веня нерешительно, боясь прикоснуться, обнимая хрупкие плечи Марины.

– Горько, когда умирает надежда, – сказала она. – Просто потому, что пришло ее время умирать.

– Нет-нет, – возразил Веня, – не говори так. И совершенно неожиданно: – Если хочешь, я приеду к тебе.

– Не приедешь, – сказала девушка с обреченной уверенностью, будто объявила решение суда.

Потянувшись, Марина поцеловала Веню в щеку и похлопала его несколько раз ладонью по груди – там, где сердце. Отстранившись и поведя плечами, она освободилась от его объятий и стремительно присоединилась к ожидавшей с недовольным видом подруге. Вместе они скрылись в пелене непроницаемости зоны посадки аэропорта. Не оглядываясь, видимо, чтоб не возвращаться.

И, дождавшись этого момента, по громкой связи каким-то странно заносчивым тоном объявили об окончании посадки.

Все.

И тотчас огромное и ошеломительное в своей внезапности чувство потери свалилось на его плечи и крепко за них уцепилось. Ну как можно было жить с таким грузом? Никак.

«Как странно, – подумал тогда Веня, – но еще какой-то час назад я не знал того, что знаю теперь. Что несчастлив. Теперь, чтобы избавиться от несчастья, нужно либо забыть все, либо не забывать, но сделать то, что обещал».

Через четыре месяца, окончив курсы и выпросив в мастерской отпуск на две недели, для чего ему пришлось в срочном порядке завершить реставрацию кресла, хозяин которого уже не мог без него обходиться, Веня прилетел к Марине в ее далекий северный город.

Марина, прямо скажем, была приятно поражена его приездом, возможно, он не создавал впечатления человека, способного на серьезные и решительные поступки. Но Веня, несмотря на внешнюю мягкость, пожалуй даже чрезмерную, на самом деле мямлей не был и обладал достаточной твердостью характера, чтобы самому принимать важные для себя решения. Странно, но именно в этом Марина препятствовала ему всю их совместную жизнь. И тут, как говорится, нашла коса на камень. Заискрило, впрочем, не сразу.

На свадебном банкете, как с большой натяжкой можно было назвать их скромное застолье, они все изрядно-таки накачались молдавским коньяком с несвадебным названием «Юбилейный», очень неплохим, кстати сказать, коньяком. И когда алкоголь слегка приглушил нервную волнительную радость первых часов их сближения, они завели долгий и вязкий, как борьба в стойке равных соперников, разговор, стараясь понять друг о друге что-нибудь сокровенное.

Шахматная партия их совместной жизни началась с борьбы за преимущество.

...Порыв ветра снизу, от земли, будто апперкот, ударил под дых, рванул полы джинсовой куртки и заставил отвлечься от воспоминаний. И как раз вовремя, чтобы заметить, будто раскрылось на небесах окно, нечто подобное царской ложе в театре, и оттуда с неподдельным интересом наблюдают за ним некие мутные личности, облокотившись о перила и поблескивая стеклами биноклей. И не то чтобы он на самом деле что-то увидел – так, показалось. Но едва лишь ему про видение подумалось, как оно и пропало, и стало так, словно его никогда не было, и лишь большие серые облака, переваливаясь, точно баржи на бурлящем потоке, плыли важно куда-то по своим делам. Хотя какие у них, облаков, дела? Плыви себе...

В доме напротив – в такой же, кстати, девятиэтажке, здесь весь район такими застроен, – в окне седьмого этажа что-то блеснуло, и в этом случае это действительно бликовала оптика, наверняка и просветленная. Кто-то бдительный наблюдал за ним в бинокль, а может, даже снимал происходящее на видео.

«Вот гады! – подумал раздраженно Веня. – Не дают спокойно...» Тут он замаялся. «Не дают спокойно» что? Он ведь и сам еще не решил, что делать дальше. Конечно, исключить нельзя и трагическое развитие событий, но в любом случае не хотелось бы, чтобы кино с его участием в главной роли рассматривали в Интернете разные субтильные личности, питая свои худые души его реальным страхом и настоящим ужасом. Разозлившись уже не на шутку, Веня погрозил в сторону наблюдателя кулаком. Угроза показалась ему недостаточной и неубедительной, поэтому, слегка поколебавшись, он, словно личный манифест, демонстратор душевного состояния и отношения ко всему, выбросил вверх палец, сами знаете какой. Жест этот вообще-то не был для него характерен, не использовал он его в повседневной жизни. Но вот именно что не был. Теперь же в неистовом порыве он демонстрировал вновь и вновь наблюдателю в доме напротив обретенное кредо – а заодно и небу, чувствуя, как задор противоборства, противостояния обстоятельствам и враждебным силам закипает в нем. Еще не сильно закипает, только-только, но и этой малости внезапной он был рад.

И небо, будто оскорбившись его непочтительностью, захлопнуло форточку, баржи сошлись бортами и повисли над самой крышей бесформенным влажным и темным пирогом, слепленным из остатков сизой муки. Однако на наблюдателя в доме напротив его экспрессия не подействовала, и он продолжал блеснуть своей стекляшкой. «Ну и хрен с тобой!» – отнесся к нему Веня с презрением.

Осторожно нащупав подошвой ноги край парашюта, Веня заглянул вниз. Немногочисленные прохожие на улице, выглядевшие отсюда как вставшие на задние лапы безусые тараканы, спешили по своим важным делам, и, похоже, никому из них не было дела до его мучений. Никто даже не помышлял о том, чтобы поднять голову, посмотреть по сторонам, а вдруг именно сейчас, в данный момент кому-то плохо и нужна помощь? Ничего такого! Тараканам чуждо внимание и тем более сострадание к себе подобным. И даже если он возьмет и шмякнется туда, к ним под ноги, ничто ведь не изменится. Для них – не изменится. Мир не переделывать! Толпа отхлынет и вновь сомкнется над тем, что от него останется, и все потоки потекут как прежде. Отвернутся, переступят, скривив губы и зажав нос, и забудут. Так стоит ли? Кому и что таким образом он сможет доказать? Сделает кому-то плохо? Кому? Не смешите мои тапки. Нет человека – нет проблемы. Все выдохнут с облегчением, ну, выпьют по рюмке за упокой, повод благо приличный, и забудут. Нет, это, конечно, выход, но... позорный. И он всегда под рукой, если что – успеется.

Но вот что интересно, он только что осознал, что хочет именно быть проблемой для всех тех, кто поспешил списать его со счетов. Хочет доказать, что негоже так с ним обходиться, нельзя. Да и, наконец, надо же разобраться, с чего это вдруг тихая и размеренная его жизнь понеслась вскачь по буеракам, точно кобыла, которой под хвост сунули зажженный фитиль.

Между тем стоять на парашюте Лису было совсем не комфортно. Мягко говоря. Потому что больше всего на свете он боялся высоты. Но здесь тоже как-то странно. Он совершенно спокойно летал на самолетах, но когда вот так, открыто, лицом к лицу, тогда все по-другому. Бездна облизывает темным пламенем страха, норовит затянуть и увлечь в свои объятия, от близости которых немеет тело. Бывает страх приобретенный, от внезапного испуга, но тот, что одолевал Лиса, казался наследственным, генетическим, что ли. Он пришел, наверное, из прошлой жизни, он был с ним всегда. Конечно, в этой напасти было что-то болезненное, постыдное и унижительное, но по большому-то счету он-то в чем виноват? Вот наградила его судьба таким изъязмом, за какие-то заслуги или прегрешения не важно, и он вынужден с ним жить. Ни выбросить, ни передать другому, только, помалкивая и стиснув зубы, медленно изживать, процеживая душу сквозь сито, при каждом удобном случае. Что он, к слову сказать, и делал, тем более что случаи выпадали часто.

Вообще надо заметить, что по жизни Лис не геройствовал. В сложных ситуациях предпочитал находиться среди тех, кто молчит, либо вовсе отворачивался и отходил в сторону. Не боец был, не боец. Но, может быть, только до поры до времени?

Держаться на краю, удерживать равновесие становилось все трудней, потому что и спина затекла, и ноги одеревенели. Ввиду вновь появившихся соображений, в планы Лиса совсем не входило прыгать с крыши здесь и сейчас, то есть немедленно, и он начал по-тихому давать задний ход. Он попробовал осторожно переместить плечи назад, подальше за центр тяжести, чтобы попросту свалиться с парашюта обратно на крышу. И поначалу ему это вроде удалось, но тут случилось нечто непредвиденное. Скосив глаза влево, чтобы посмотреть себе за спину и так проконтролировать безопасный спуск на плоскость, краем взгляда он заметил ниже себя, там, за обрывом стены, какое-то движение. Посмотрев вниз, обнаружил, что некая девица, совершенно растрепанного вида, очевидно, через окно на площадке верхнего этажа уже выбралась на узкий карниз. Девушка стояла, прижавшись спиной к стене, словно не веря еще в возможность того, что она собиралась совершить, и к чему была, казалось, значительно ближе, чем Веня.

Отставив свои намерения вернуться на крышу, совсем забыв про высоту, Лис подался вперед, заглядывая за край, чтобы понять, каким образом помешать девчонке, не дать совершить ее безумный поступок. И в этот момент он получил подлый удар под зад. Возможно, это был всего лишь несвоевременный порыв ветра, однако пинок оказался таким сильным, словно был нанесен мотивированным и крайне заинтересованным в конечном результате коленом.

Потеряв равновесие, а вместе с ним и сцепление с твердью, Веня перевалился через край крыши и большим грузным кулем отправился в свой первый наяву неуправляемый полет. Про полеты во сне он не вспомнил, хотя именно там, во сне, больше всего ему хотелось бы сейчас оказаться.

Он попробовал кричать, но в горле комом застрял стон, замешанный на мычании: «ы-ы-ы...»

Упругое пространство встретило его и, расступившись, приняло в свое лоно. Там не было звуков, слов, не было других движений, кроме его собственного скольжения, не было воздуха, как и необходимости дышать. Время замедлилось и потянулось, словно капля патоки, стекая с ложки, обещая и грозя вскоре сорваться. За то мгновение, которое он находился напротив девчонки на карнизе, она трансформировалась в нечто знакомое ему по старинным гравюрам. Сама смерть с пустыми глазницами, она натянула капюшон на костяную голову и клацнула зубами. И следом на небесах, в ложе, которая снова проявилась со всей определенностью, раздалась аплодисменты. Бурные, надо отметить, аплодисменты, переходящие в овацию.

Веня не пытался понять, чему там, наверху, так радуются, ему было не до того. А следовало ему срочно, любым доступным способом спасти свою жизнь, и поторапливаться, поторапливаться... Инструментов для спасения у него, однако, не было почти никаких. Крылья не выросли, и он не стал легче воздуха. Но он собирался бороться за себя, и поэтому яростно замахал, забил по набегавшему потоку руками.

Поэтому ли, или же потому, что летел по очень уж хитрой траектории, но двумя этажами ниже он обрушился боком на натянутые возле чьего-то балкона веревки для сушки белья. Вербки были капроновыми и сравнительно толстыми, поэтому они сначала спружинили, практически остановив полет Лиса, а потом, словно щелчки бича, стали рваться одна за другой. Продравшись сквозь эту линию препятствий, Лис проскользнул дальше, но еще этажом ниже зацепился за что-то, какую-то трубу, торчащую с другого балкона, развевающейся полой куртки. Джинса затрещала, но выдержала, качественной оказалась, даром что куплена была в секунде. Лис повис, как марионетка на гвозде, вывернув руку, и только было собирался перевести дух, как труба, уступая его весу, начала сгибаться. Веня судорожно озирался, ища, за что бы еще ухватиться, но беглый горячий осмотр показал, что дорога дальше до самого низа не только длинна, но и открыта.

В этот критический момент кто-то поймал его левую руку и защелкнул на ней браслет наручников. Второй браслет был тут же пристегнут к решетке балкона, сваренной из толстой арматуры. В тот же миг спасительный штырь, устав сопротивляться, окончательно поддался, сгибаясь пополам, куртка с него соскользнула, и Веня повис на необычной, но очень своевременной страховке. От рывка браслет съехал вверх и, сорвав кожу, впился в запястье, но это уже были мелочи по сравнению с тем, что случилось бы, продолжи он свой полет.

В глазах у Вени совсем потемнело, в ушах стоял оглушающий, прямо-таки набатный звон, а сам он, по его ощущениям, завис где-то между жизнью и смертью. Эта территория казалась нейтральной и, конечно, отличалась от смерти в лучшую сторону, но и для жизни мало подходила. Веня чувствовал всю шаткость своего положения, поэтому боялся шевелиться и даже дышать. Все виделось ему темно и расплывчато, словно в поздние-поздние сумерки, какие-то тени неясные, какие-то всполохи. Потом он увидел, как одна из теней ступилась, нависла над ним и материализовалась. Перегнувшись через перила, тень ухватила его за пояс штанов и, сопя и отфыркиваясь от усилия, затянула на балкон.

С неба донесся выдох разочарования.

Проигнорировав это обстоятельство и убедившись, что поверхность под ним твердая и он никуда больше не движется, Веня закрыл глаза и на некоторое, как выяснилось позже – продолжительное, время исчез из пределов собственного сознания.

Глава 2

Мариновое варенье

Аттракцион назывался «Мертвая петля».

Он возвышался в самом центре парка культуры и отдыха и был виден издали, из любого его уголка. Ну, так Вене казалось в свое время. Высоченная решетчатая ферма вдруг вздрагивала и приходила в движение, заваливаясь навзничь, и тогда конический снаряд-противовес по крутой дуге нырял вниз, а на смену ему с противоположной стороны в ярко-голубое небо возносился, весело гудя пропеллером, двухместный самолетик, слепленный из труб и фанеры по образу и подобию легендарного «ишачка» И-16. Самолетик умел выполнять только мертвые петли и в руководстве в общем-то не нуждался, но его пассажиры были все же и пилотами тоже. Вцепившись руками в поручни и повисая на пристяжных ремнях, они, холодея спиной, но с горящими глазами и визжа от восторга, запрокидывались в этот веселый ужас. Смысл упражнения в том и заключался, чтобы из кажущегося бесконечным погружения вынырнуть на легких крыльях преодоления. Десяток головокружительных переворотов – и полет закончен, и вот ты уже на земле, ты летчик и ты герой, но делаешь вид, что это пустяки, детская забава, а ты способен на настоящее приключение. Теперь-то уж точно способен.

А у Вени совсем не было желания лезть в кабину этого самолета, даром что агрегат не мог улететь далеко и высоко, но Юлька, рыжая девчонка из соседнего дома, была заводилой в их компании, и она сказала: «Будем летать!» Полет в денежном выражении стоил сущую безделицу, и мелочи, которой они наскребли по карманам, хватило на билеты для всех, кроме самых младших, которых и так не пустили бы. Юлька, как всегда она это делала, гордо и независимо улыбаясь, первой забралась в переднюю кабину. Он, как всегда это делал, потому что не мог уступить девчонке по идейным соображениям, забрался следом за ней в кабину на место сзади. Уже ощущая внутреннее онемение и вымученно улыбаясь застывшей и несколько съехавшей на сторону улыбкой.

Служитель пристегнул их ремнями к сиденьям, показал, как и за что следует держаться, пообещал, что ничего страшного не случится, и попытка началась.

С чем это можно сравнить? Да ни с чем! Его словно отправили в полет, а жилы привязанного тела прибили колышками к земле. И он делал виток за витком, а жилы все тянулись и тянулись, наматываясь на ось вращения, и это было бесконечно и невыносимо, и не было никаких сил терпеть. Но он, конечно, дотерпел до конца. Потому, что все равно некуда было деться и потому, что впереди визжала от притворного ужаса Юлька.

До этого дня подобных ощущений и в таком количестве он не переживал ни разу, поэтому они ударили по нему наотмашь и оглушили. А следом добавила Юлька.

– Что-то ты, Венечка, зеленый стал? – розовощекая и конопатая, ехидно спросила она его на земле. – Штанишки-то сухие?

– Укачало маленько, – ответил он и, хрустнув зубами, оскалился в улыбке, словно лис, зажатый в угол курятника. Так ведь он и был Лисом. Тем, который только что выбрался из угла.

После этого случая он еще трижды, сам, без друзей, забирался в кабину «ишачка» и совершал на нем свой маленький, никому не нужный и никому не видимый подвиг, но облегчения это ему никакого не приносило и привыкания к высоте не происходило. Страх даже не высоты как таковой, а открытой ревущей пропасти рядом жил в нем, словно был задан на генетическом уровне. Может быть, чтобы избавиться от него, необходимо полное переформатирование? Так он готов! Но вот что еще интересно: летать на больших настоящих самолетах он не боялся совершенно. Наоборот, ему это даже нравилось, поэтому весь полет он, восхищенный, проводил с прикишкой к иллюминатору лицом. Дело, видимо, было в наличии иллюми-

натора, а вот стоило бы его убрать – и все, затосковал бы смертельно. Свой страх он, конечно, тщательно скрывал, как ни в чем не бывало продолжая участвовать во всех затеях дворовой ватаги, предводительствуемой все той же рыжей Юлькой. А ее, словно нарочно, тянуло куда повыше, то на мачту освещения забраться, то на верхний этаж строящейся высотки, а то и на самую верхотуру, на отдыхающий летом большой трамплин для прыжков на лыжах. Вот уж где он страху натерпелся... Позже, поняв наконец, что тренировками изжить боязнь высоты не удастся, он стал сторониться подобных приключений. Осторожно, как бы невзначай, сменил интересы и компанию, записавшись в кружок какого-то моделирования, потом их было немало разных. С этих кружков, собственно, и началось его восхождение к настоящему мастерству.

И вот те же чувства, что смяли, скомкали его душу в самый первый полет на игрушечном самолете, то же самое, только в чрезмерной, почти смертельной дозе испытал он сегодня, сорвавшись с крыши. И с той еще существенной поправкой, что нынешний полет его был и не полетом вовсе, а падением. Свободным падением, с неминуемым очень жестким приземлением на клочке асфальта перед подъездом в конце траектории, результат которого был очевиден, но который он всячески избегал себе представлять.

Веня вновь и вновь переживал падение, не выходя из него и не замечая, как, в какой момент возвращался к началу, на самый верх, а потом словно кто-то сказал: «Хватит!» И только тогда он, спустившись наконец до самого низа, совершил мягкую посадку на грунт. Лишь коснувшись ногами поверхности и утвердившись на ней, Веня рывком, через усилие, и даже болезненное усилие, пришел в себя. Открыв глаза, он долго, с тревогой и непониманием одновременно, осматривался, разглядывая место, в котором оказался.

Ему поначалу показалось, будто он находится в деревенской избе, но, конечно, это была обычная городская квартира, правда очень похожая на избу в плане убранства и обстановки.

Он лежал на старом диване с высокой спинкой, с простенькой резьбой, полочками и длинным прямоугольным куском зеркала на ней. Выше на стене отсвечивал стеклом чей-то портрет. «Фотография, раз под стеклом», – сообразил Веня. Дальше, на противоположной стене, в которую почти упирались его ноги, мотали из стороны в сторону маятником ходики в виде традиционной избушки с двускатной крышей и трубой на ней. Дверца избушки была прикрыта, и кто-то, очевидно кукушка, замер за ней в ожидании своего выхода. Который теперь час? Этого Веня разглядеть не сумел, поскольку комнату наполняли сгустки синих сумерек. Что в свою очередь прямо намекало на близкий уже вечер.

Веня скосил глаза, обходя взглядом комнату по кругу. И тогда только понял, почему ему сразу показалось, что он в избе.

Мебели в помещении находилось немного. Не считая дивана, на котором он возлежал, – стол, стулья, комод и несколько сундуков. Еще – большая железная кровать с периной и горой подушек в углу. Все казалось старым, самодельным и, кроме блестящей никелем трубок кровати, было выкрашено голубой масляной краской. При этом поражало обилие текстиля. Поверхности укрывали или застилали накидки, коврики, разнообразные салфетки и – куда же без них – вышитые крестиком полотенца. Накидки и прочие чудеса текстиля казались хлопьями опавшей пены, поскольку были кружевными, плетеными крючком из нити ирис или похожей на нее. Веня знал это с детства, так как его матушка тоже имела склонность к плетению и вышиванию и в незапамятные времена много ему об искусстве вышивки рассказывала.

На единственном окне шторы были распахнуты в стороны и темнели по бокам, точно колонны с канелюрами. Легкая тюлевая занавеска слегка колебалась сквозняком, видимо окно оставили открытым. Или дверь на балкон...

Подумав про балкон, Веня непроизвольно содрогнулся и только тогда обнаружил, что рядом с его изголовьем сидит кто-то еще и этот кто-то держит его за руку. Он попытался отнять руку, но попытка не удалась, незнакомец удержал ее у себя.

– Тихо, тихо, тихо... – услышал Веня низкий, грудной голос. – Если хочешь, можешь сесть, но я поостерегла бы тебя от резких движений.

«Поостерегла бы, ага, – подметил Веня и сделал верный вывод: – Значит, женщина».

Он опустил ноги на пол и, отталкиваясь рукой и скользя плечом по спинке дивана, осторожно сел.

Мир, перевернувшись вместе с ним на девяносто градусов, стал условно нормальным. То есть обычным, таким, в котором мебель стоит на полу, а часы, картины и зеркала висят на стене. Комната под этим углом зрения показалась более длинной, зато потолок приблизился и стал таким, каким он привык его видеть и ощущать дома. Дома... А где он, собственно, находится?

Ему подумалось, что сон его еще продолжается. А и ладно, пусть продолжается, все лучше, чем... Он не стал уточнять, лучше чем что, но твердо держался за то, что лучше. Лучше – и все!

Сон или не сон, это еще надо выяснить, уточнить, но глаза его смотрели в пространство, и мозг регистрировал и пытался анализировать то, что глаза видели. И вот что они видели.

Рядом с ним в придвинутом к дивану низком и широком кресле сидела – да, женщина, пожилая и, мягко говоря, тучная. Тело женщины, начиная с подбородка, плавными волнами и наплывами растекалось книзу во все стороны, заполняя собой всю доступную емкость кресла. И, видимо, телу в кресле было тесновато, отчего ноги с круглыми ядрами колен, повинуясь напору плоти, раздались широко в стороны, словно две массивные колонны. На ногах красовались чулки, те самые, которые из-за их мягкости и практичности в ущерб эстетике любят носить пожилые женщины: в мелкий рубчик, светло-коричневые, безнадежно застиранные и потому уже почти телесного цвета. Выше колен чулки оказались обжаты широкими резинками розового цвета, выставленными словно напоказ, что женщину совершенно не смущало. Очевидно, возраст, в котором она пребывала, определял то внутреннее состояние, которое делало ее выше всяких условностей, то есть позволяло самой их создавать и трактовать. Тело женщины скрывало, как могло, простое ситцевое платье, зато на плечах лежал спущенный с головы роскошный узорный платок с крупными маками на светлом поле. Лис не знал, как это соотносится с тонким вкусом, но вот именно такие платки на женщинах ему нравились. Седые волосы хозяйка дома собрала в пучок на затылке, но как-то не слишком аккуратно, потому что они все равно выбивались из-под резинки и лезли на глаза.

А вот глаза ее, беспокойные, цепкие, навывкате, казались случайными на широком и бугристом, с носом картофелиной и со всеми ее подбородками, обманчиво добром и простецком лице. В зачавшихся сумерках они светились странным желто-оранжевым светом, точно две надраенные монеты, и казались удивительно знакомыми. Веня мог поклясться, что прежде уже видел их неоднократно. Вот только где? «Чисто сова», – подумал он.

– А чем тебе сова не хороша? – спросила женщина своим низким, немного ворчливым, с хрипотцой, голосом. – Очень даже приличная птица. Умная, и все такое.

«Что-то у меня с головой», – резонно предположил Лис.

– Конечно, после такого-то приключения может и крыша отъехать, – согласилась женщина. – Да что отъехать, отлететь может! Но, думаю, обойдется, и все с тобой будет нормально. Ты посиди еще тихонько, посиди. Руку я тебе, как положено, обработала. Бальзамом умастила, повязку тугую наложила, – к завтраму уже будешь здоровый. Мазь я, между прочим, самолично делала, по старинному колдовскому рецепту, на мандрагоре. Так что не сомневайся, и побереги пока силы, прыгун, они тебе скоро понадобятся, уж поверь мне.

Веня скосил глаза на туго перевязанную, сияющую белизной бинта руку. Рука словно парила в невесомости или пребывала в теплом футляре, и ей там было удобно и хорошо. То же самое он мог сказать и о самом себе: спокойно и хорошо. «Чудеса...» – подумал Веня, на что женщина никак не отреагировала вербально, только улыбнулась толстыми губами. Губы женщины казались чрезвычайно подвижными, из улыбки легко могли сложиться в упрямую

складку, что выдавало наличие характера, если не вздорного, то своенравного. «Э, – подумал Веня, – а с ней лучше дружить».

– А вы, простите, кто? – спросил он, потому что уже пора было начинать что-то говорить.

– Разве ты меня не знаешь? – неожиданно ответила вопросом на вопрос хозяйка.

– Н-н-нет, – как-то неуверенно протянул Веня. – Встречались, кажется, пару раз в лифте, а так...

– Ну, как хочешь. Вспомнил – и ладно. Зови меня Нина Филипповна, – сообщила личную информацию дама. И, опережая Лиса: – Можешь не беспокоиться, тебя и все про тебя я знаю. Ну, или почти все.

– Как это? – проявил непонимание Лис.

– Да нет, нет, – хохотнула Нина Филипповна, – ничего такого. Слухи я не собираю, записные книжки не краду. Знания приходят ко мне через карты.

– Ах да, да... – осенило вдруг Веню. – Ведь вы же гадалка! Я слышал...

– Я не гадалка, – строго возразила Нина Филипповна.

– Так вас все называют...

– Это от невежества. – Нина Филипповна поскущела лицом. – Народ в массе своей необразованный. И, что печальней всего, не очень-то стремится из этого привычного состояния выходить. Что неудивительно. Если все будут умные и толковые, сразу же наступит конец света. Потому что уже трое умников не могут договориться между собой, а если их, не дай бог, больше – все, туши свет. Нет, я не гадалка. Я – провидица. Ну и немного гадалка тоже...

– Людей еще лечите, – подсказал Веня, кивком указывая на свою руку.

– Это знахарство, – презрительно скривилась Нина Филипповна. – По-настоящему я лечу наложением рук, у меня энергетика сумасшедшая, вилки-ложки в руках плаваются. Могу еще яйцом откатывать...

– Яйцом? – удивился Веня. – Каким яйцом?

– Обычным яйцом, куриным, – подтвердила информацию Нина Филипповна. – Тоже, скажу тебе, наука. Мне от бабушки перешла. Или не от бабушки. Или от другой бабушки... Не важно, в общем, от кого, важно, что оно есть.

– Оно?

– Оно, искусство.

Совсем уже вечерело. Речи бабы Нины, как про себя успел окрестить Нину Филипповну Лис, становились все более бессвязными и путаными, а еще он вдруг уловил исходящий от нее кисло-сладкий, приторный запах непонятого происхождения, от которого его слегка затошнило. Но и идти ведь ему было некуда! Немудрено поэтому, что вскоре он заметил или почувствовал, как из всех щелей-закоулков полезла тонкими струйками тоска и по-тихому стала брать его за сердце, за душу.

– А это кто? – спросил, чтобы рассеять наваждение, Веня и указал на портрет на стене.

– Это Алексей Фомич, муж мой покойный, – ответила Нина Филипповна, проследив взглядом, куда это он указывает. Вздохнув, добавила: – Золотой человек был, летчик, и все такое. Жили мы с ним душа в душу, но все-таки, видно, с женой ему не повезло.

– Не повезло? – удивленно переспросил Лис.

– Нет, не повезло, – подтвердила Нина Филипповна. – Ведь не уберегла я его, значит – не повезло. Ему. И мне также не повезло, раз доживаю свой век в одиночестве. Но мне не повезло больше, ведь у меня вроде как сын есть...

– Сын? – снова удивился Лис. – Где же он?

– Вот то-то же, где он? Бродит где-то по земле, непутевый... – Нина Филипповна задумалась на долгие минуты. – Где-то бродит, – повторила она. – Вообще-то не такой уж и непутевый. Наоборот, он способный, и мои умения перешли к нему все сами собой, по праву рождения. И я ему говорила, оставайся, будь рядом, работай... Но, как и во всем, одних умений

мало. Чтобы людей лечить, надо характер иметь стальной. Обязательно стержень должен быть, а у него его вовсе нет. Так, что-то... Впрочем, не знаю, зачем я тебе это все рассказываю, тебе то уж это знать точно не нужно. Ладно. А знаешь что? Пойдем-ка на кухню. Чайку попьем с вареньем, с каким любишь, а за чаем ты мне о себе расскажешь. Сделаем разбор твоих полетов, как говаривал хозяин мой, царствие ему небесное, а уж он в полетах знал толк. Вот это сейчас будет самое правильное. Я так думаю...

Кухня у бабы Нины действительно была кухонькой: совсем крошечная, но чистая и уютная, в занавесочках и цветочках. Лампа под низким потолком походила на керосиновую, с выпуклым стеклом-абажуром, уложенным на выгнутые ребра каркаса, поэтому, когда Нина Филипповна включила свет, Веня сразу почувствовал, что это место ему нравится и подходит. Чем именно подходит, он, пожалуй, затруднился бы вычленив из общего хоровода смыслов и значений, да он и не стал этим заморачиваться. Вот хорошо – и хорошо, и замечательно.

– Присаживайся, – кивнула Нина Филипповна и занялась чайником.

Небольшой квадратный стол из голубого вытертого ламината стоял в углу, рядом с окном. Возле него ждали своих седоков два деревянных стула, крашенных голубенькой, в тон стола, масляной краской. На сиденьях лежали вышитые подушки, а спинки пестрели наклеенными на них картинками, сплошь цветы, одиночные и в букетах, а сверху этот декупаж покрывал слой лака. «Интересно, – подумал Вениамин, – это она сама творчеством занимается?»

Он ненадолго замешкался, решая, который из двух стульев выбрать. Выбор пал на тот, который был ближе к двери. Веня сел, положил больную руку на колени и, прижавшись плечом к краю стола, надежно ее в таком положении зафиксировал. Ему все казалось, что руку что-то может потревожить, чего не хотелось. Место, им выбранное, оказалось удобным, и кухня на виду, и коридор под контролем, и крупной хозяйке суетиться на маленьком пятачке он не мешал. Оглянувшись на него, Нина Филипповна улыбнулась:

– Мой, в смысле Алексей Фомич, тоже всегда здесь сидел, его это место. Вот все-таки мужики, ну во всем почти одинаковые, как под копирку сделаны. А мне, например, вот на этом сидеть удобней. – И она кивком указала на второй стул. – Он и покрепче будет. Ты какое варенье любишь?

– Мариновое, – сказал Веня и смутился, осознав вдруг, вдогон, что сказал глупость. Просто озвучил, что крутилось на языке.

Нина Филипповна посмотрела на него удивленно широко раскрытыми глазами, наклонив голову, будто поверх очков, но, догадываясь, видимо, о чем-то, с расспросами не полезла.

– Ну, мариновое, положим, не припасено, – только и сказала, – а вот земляничное есть.

На столе появились пузатый заварочный чайник, фарфоровый, красный в крупный белый горох, и такие же чашки на блюдцах, розетки с вареньем, чайные ложечки и квадратная ваза из каленого стекла, наполненная смесью из сушек с маком, печенья песочного, сухариков с изюмом и тому подобных вкусностей, так любимых Веней. Розетки хозяйка доверху наполнила земляничным вареньем. Тем самым. С запахом и ароматом.

– Ой, Нина Филипповна... – только и нашелся сказать Веня. Глаза его наполнились слезами от созерцания всего этого великолепия родом из детства. И виденного в последний раз, как ни странно, тогда же. Веня тут же устыдился нахлынувших воспоминаний.

– Ну, не стесняйся, – подбодрила его Нина Филипповна, наполнив чаем его чашку и передвинув розетку с вареньем к нему поближе.

Веня не заставил спрашивать себя дважды. Когда через пять минут он поднял глаза от пустой чашки, в которую по ходу трапезы хозяйка подливала чаек по мере необходимости, розетка перед ним была пуста, а ваза ополовинена. Нина же Филипповна, посасывая ложку, смотрела на него с умилением. Веня икнул и облизнул сладкие губы.

– Простите, – сказал он. – Я немного увлекся.

– Да что ты такое говоришь! – всплеснула руками Нина Филипповна. – Я люблю, когда мужчина едок. Сильный едок. Это много говорит в его пользу. И о многом говорит. Еще варенья? Я все равно не буду.

И она придвинула к нему свою розетку, к варенью в которой, судя по всему, не притронулась. Веня зарделся.

– Нет-нет, спасибо! Я и так! Потерял над собой контроль. Вы словно знали заранее, что я люблю...

– Да уж конечно, знала, – сказала Нина Филипповна. И таким тоном она это сказала и такими глазами ее при этом сделались серьезными и даже жесткими, что Веня инстинктивно сжался, подобрав под стулом ноги. – Ну, раз уж ты все равно ничего больше не хочешь, – продолжила, вновь осветив лицо улыбкой, Нина Филипповна, – значит, пришло время разговоров. А расскажи-ка мне, дружок, для начала, кто и какими пинками загнал тебя на крышу. Или ты сам все это придумал? А ты можешь себе представить, что у меня не получилось бы, хоть я и ждала чего-то такого, но не вышло бы, стара я уже, реакция не та, силы убывают, болезни множатся, словом, ты понимаешь, что чаю сегодня ты мог уже и не испить? Тем более с вареньем?

Веня поежился, будто посреди весны к нему вдруг вернулась персональная его зима.

– Понимаю, – сказал он устало бесцветным голосом. – Понимаю. Но дело-то в том, что прыгать с крыши я по-настоящему не собирался. Полез туда сам, это да, но не могу толком объяснить зачем, и вообще смутно помню, как это было. У меня ведь... Словом, там совсем другая история. А вот на парашюте меня точно кто-то пнул, прямо под зад пнул, когда я нагнулся на девицу посмотреть. Там еще девушка прыгать собиралась... Я, правда, когда падать стал, оглянулся, но на крыше никого не увидел, хотя удар был приличный... С девицей тоже непонятно, она на поверку совсем и не девицей оказалась...

– Что-то ты тут нагородил такого, не разобраться, – не удовлетворилась совсем его объяснениями Нина Филипповна. – Давай-ка по порядку, с самого начала.

Глаза хозяйки при электрическом свете переливались и казались сегментированными, словно объективы видеокамер. Но Веню они совершенно не пугали, и, как ни странно, потому, что подсознательно он был уверен, что когда-то раньше уже с ними встречался. В общем, Веня вздохнул и, неожиданно для себя, выложил все, что на душе накопилось за последние несколько лет и что в итоге привело его к сегодняшнему стоянию на крыше, а потом и полету с нее. Начистоту выложил, на камеру. Он говорил, а в голове его фоном на какой-то дурацкий мотив крутились слова «с крыши лететь, с крыши лететь...».

Рассказ, конечно и прежде всего, был о взаимоотношениях с Мариной. Он начал его с того самого момента, на котором прервались его недавние воспоминания, хотя мог бы, наверное, начинать с любого места, потому что у него, просто как наваждение, непонятно откуда, было стопроцентное ощущение, что Нина Филипповна и так все про его жизнь знает.

Борьбу за преимущество Марине он конечно же проиграл. И немудрено. Эта хрупкая женщина оказалась танком в кружевных трусах, попасть под траки которого было чрезвычайно болезненно, почти смертельно. Она обладала удивительно стойким, упорным и злопамятным характером, никогда ничего не забывала, особенно в плане разнообразных бытовых мелочей, которые, кстати, формировала исходя исключительно из своих пристрастий. Переговорить ее ему никогда не удавалось, хотя он честно пару раз пытался достичь в этом положительного для себя результата. Бесполезно. Марина казалась запрограммированной на то, чтобы последнее слово оставалось за ней. Это было унижительно, Веня мычал и заикался и совершенно ничего не мог противопоставить ее холодной расчетливости.

Он страдал поначалу ужасно после таких обидных поражений, а потом подметил, что Марина достигает успеха, опираясь исключительно на два своих главных качества: полное игнорирование логики и безоговорочную убежденность в своей правоте. Правоте по праву сознания. У нее даже теория была своя про это право, подкрепленная ссылками на родослов-

ную и фотографиями из семейного альбома. Веня подозревал, что фотографии и родословная были чужими, поскольку никому там изображенному его не представили. Вообще же Марина – женщина милая, но как-то так получалось, что чаще и охотней она была мила с другими, а вот с ним лишь изредка. Все чаще она проявляла сварливость, спорила и одергивала его. Она выставляла дураком, выдавая за свои его слова, никогда и ни в чем не соглашалась, настаивая на любом пустяке, и говорила до тех пор, пока последнее слово не оставалось-таки за ней. Ну, про это он уже, кажется, говорил.

– Бедный ты, бедный... – прервала его изливания Нина Филипповна. – Ты меня прости, я что-то не соображу никак. Это что же, такие отношения у вас всегда были, с самого начала? Куда же в таком случае смотрели твои глаза? Вот что я хочу выяснить.

– Нет, такие – нет, – замотал головой Веня. – Поначалу мы и дышали одним воздухом, и смотрели в одну сторону, и по жизни шли, взявшись, как водится, за руки. Года три так было, и, я так вспоминаю, это были лучшие наши годы. Но я не замечал, что параллельно шла эта ее борьба за преимущество, а когда оно было достигнуто ею, началось сражение за качество. И это, я вам доложу, была уже настоящая потеха. Рубка!

– Ты ничего не понимаешь, – не согласилась с ним Нина Филипповна, которая казалась очень взволнованной рассказом Вени. – Эта женщина была дана тебе мной в наказание, и ты должен был просто терпеть. И никакой рубки!

– Вами? – вцепился клещом в послышавшееся ему слово Веня. – Вами дана?

– Что «мною дана»? – не поняла Нина Филипповна.

– Вы сказали, что Марина была дана мне в наказание вами...

– Я так сказала? Оговорилась, не обращай внимания. Как я могла? Чушь! И вообще, не в этом дело, не в словах.

– А в чем же дело? – с кислой физиономией промямлил Веня.

– В космосе, – сообщила Нина Филипповна. – В космической механике. Нужно всегда проникать в суть. Перво-наперво следует запомнить, что ничто само по себе с нами не случается, не происходит, за всем и всегда стоит причина, возбужденная сила или потревоженный принцип.

– Принцип? – удивился Веня. – Что еще за принцип? Нина Филипповна вздохнула, поражаясь Вениной дремучести, и терпеливо объяснила:

– Всем в нашей жизни управляют принципы, числом их семь. Они, собственно, в совокупности своих директорий жизнь здесь и создают, видимую и невидимую, работа у них такая.

– Не знаю я ни про какие принципы, – отмахнулся Веня. – И знать не желаю. Потому что была у меня жизнь хорошая, а стала невыносимая, и если это они в нее залезли и все в ней расстроили, так лучше бы они этого не делали. Отвечать придется. Потому что моя жизнь никак не их директория, или как там это у них называется.

Веня разгорячился так, что даже заерзал на стуле, и потому, видимо, не заметил, как мелькнула на лице Нины Филипповны лукавая усмешка. Мелькнула и тут же пропала, спрятавшись где-то в ее бугорках и складочках.

– Оставим эту тему пока, – сказала мудрая женщина покладисто, – потом как-нибудь обсудим, если время будет. Давай-ка, дружок, историю свою досказывай, уж больно она занимательная.

– Ничего занимательного в моей истории, к сожалению, нет, – заканючил было Лис и даже принялся ерошить здоровой рукой солому своих волос, но Нина Филипповна не повелась на его уловку.

– Рассказывай! – приказала коротко.

Веня глубоко вздохнул, унимая внутреннее, до дрожи, сопротивление. Как же ему не хотелось в это погружаться! Тем более доставать с глубины и выкладывать на всеобщее обозрение.

Борьба за качество! Это была планомерная осада по всем фронтам. Нет, не так, не осада, а наступление. Словно вполне вменяемая до того женщина вдруг сказала себе: «Все, отныне только я!» – и пошла вперед. Она могла бы пойти в любом направлении, и он бы не возражал, но ей непременно нужно было занять то место, тот пятачок, на котором стоял он. А куда в таком случае деться ему?

Ее красивое, когда-то любимое лицо становилось все холодней, все надменней. Как это ни печально, но, похоже, у Марины появилась цель в жизни, и эта цель унижить Веню и возвыситься над ним. Отчего? Почему? За что? Где правда были его глаза, когда он женился на ней? Мара...

Манера ее поведения и разговора с ним совершенно переменялась. Теперь она руководствовалась другими принципами. Ах, снова принципы!

Никогда ничего не просить, все и так принадлежит ей, потому – только требовать.

Никогда ни за что не извиняться, потому что она всегда в своем праве.

Только приказывать и во всем обвинять его. Даже если «его здесь и вовсе не стояло».

И пусть не умничают! «Да это все понятно», – обрывала она его, едва он начинал говорить, всем видом показывая, что очередная банальность от него ей не интересна.

Зато в любой конфликтной ситуации, возникавшей у него с кем угодно и где угодно, она всегда принимала не его сторону. «Потому что он сам дурак и не умеет себя вести!» Зато по отношению к нему она стала выражаться предельно конкретно.

«Где ты был, сволочь?» – ошаршила она его как-то вопросом в лоб, когда он, побежав за мороженым, простоял лишних пять минут в очереди у ларька. «Где ты был, сволочь?» – это было равнозначно тому, как если бы он, взрослый мужик, получил затрещину при всем честном народе. Свое эскимо он тогда, не распечатав, выбросил в урну. «Где ты был, сволочь?» Классика! Ее классика. Он, конечно, протестовал изо всех сил, но в ответ Марина лишь обливала его ледяным презрением. И возникали новые вариации. Например, такая: «Где деньги, сволочь?» А что тут скажешь? Денег нет. Денег у него почему-то никогда не было, хотя он, честно, прилагал все усилия – сверхурочные, шабашки и прочее – и все нес в дом. Но добывать удавалось на удивление мало. Он никак не мог понять, почему любой бездарь, при прочих равных условиях, зарабатывал больше его. Деньги словно не давались ему в руки, шли мимо. И потому – «Где деньги, сволочь?». Этот вопрос стал особенно жгучим после того, как вопреки, казалось, всему у них родился сын.

Марину, понятное дело, заносило... Возможно, были у нее какие-то фантазии, да, обидные фантазии... Возможно. Но и у Лиса, между прочим, у самого тоже такой характер, что он мог терпеть, терпеть, а потом выдавал такое, что у Марины просто дыхание перехватывало. У него, кстати, тоже перехватывало, но уже от тайной гордости за себя. За то, что способен на такое, такие перлы на-гора выдавать. Марина, конечно, потом пыталась крыть его теми же словами, но оба понимали, что уже не то, уже не проходит.

Что он по этому поводу думает? Смешной вопрос. Почему смешной? Да потому, что логики никакой в их жизни не было, она не предмет обдумывания вообще! Одни рефлексии, похожие на шаровые молнии, и они выжгли его изнутри.

Спасало лишь то, что он не злопамятный. Марина, как ни странно, тоже была отходчива, в достаточной степени, поэтому до разрыва не доходило, и они в конце концов всегда мирились. Мирились, по крайней мере, столько же раз, сколько и ссорились, что очень важно для сохранения семейных отношений в отдельно взятой ячейке общества. Это не его философия, это жесткий реализм. Ну, вы же понимаете. К тому же за эти годы он научился отгораживаться от Марины – когда возникала жизненная необходимость – таким звуконепроницаемым экраном. Ну, воображаемым, естественно, невидимым для Марины и окружающих. Очень удобно, кстати, вроде ты тут и в то же время тебя словно нет, а ее психические шумовые заряды расходуются впустую.

Правда, нужно отдать должное и Марине, иногда ей удавалось-таки прожигать и эту его защиту. Это оказывалось возможно, когда она применяла тактику длительного непрерывного воздействия. И тогда для срочной и аварийной заделки возникших в его стеклянной стене брешей в них летели молотки, или ведра, или что там еще в тот миг оказывалось у него в руках. И ничего, между прочим, действовало отрезвляюще. На обоих. После чего общими усилиями статус-кво восстанавливался. Прочного мира по-прежнему не было, одна только видимость, но тишина торжествовала вновь.

Таким вот образом они, худо-бедно, как-то ладили между собой несколько последующих лет, периодически ругаясь и даже разругиваясь, но неизменно возвращаясь к нормальному и мирному сосуществованию. Он думает, это потому, что так было нужно им обоим. Все изменилось, а точнее разрушилось, когда пропал Вальтер.

– Вальтер? Кто это? – спросила Нина Филипповна.

– Сын...

– Вы назвали сына Вальтер? Как странно! – Нина Филипповна была сильно удивлена, чтобы не сказать поражена, этим, казалось бы, второстепенным для нее обстоятельством.

– Я тут ни при чем, – вяло отреагировал Лис. – Меня просто поставили в известность, что будет вот так. Ознакомили с фактом, как, собственно, и всегда, что так будут звать моего сына. Уже зовут. А вы-то отчего так возбудились? Какой сакральный смысл разглядели вы в этом обстоятельстве?

– Я-то как раз вижу все, что надо, – сказала Нина Филипповна, – но тебе про то знать пока рано. Ты продолжай...

– Вот так всегда, – проворчал Лис, – как я – рассказывай, а как мне – рано и вообще не положено знать.

– Слушай, какой ты ворчун, однако, – заметила хозяйка и мягко поощрила: – Рассказывай, рассказывай! Как это произошло?

– Да как... Не знаю я как, – через силу стал вспоминать Лис. – Я с утра был в мастерских, а ближе к обеду, к полудню то есть, прибежала Марина, вся в соплях. В истерике бьется: сын потерялся. Отвела на детскую площадку, оставила на полчаса, пока в магазин ходила, она всегда так делала. Когда вернулась, все дети на месте, а Вальтера нет. Никто ничего не видел. Абсолютно ничего. Никаких следов, зацепок, предположений – ничего. Словно его и не было никогда. Пропал вместе с машинкой, которую я ему на день рождения подарил. Он с ней в песочнице играл. Так, поверите, даже следов на песке от той машинки не осталось. Ну и, конечно, надо ли говорить, что это была катастрофа. Катастрофа нашей жизни. Марина, естественно, во всем обвинила меня. Вальтера искали, но так и не нашли, а через полгода нам и вовсе сказали, что надежды никакой больше нет.

Веня смахнул слезу и зашмыгал носом.

– Я много чего не знаю, даже не догадываюсь, – сказал он. – И не обольщайтесь на этот счет. Но что я знаю точно, так это то, что Вальтер мой сын. Он и похож был на меня, как маленькая капля воды похожа на большую. Мы с ним жили в одном мире, дышали одним воздухом. Вы понимаете, не только в физическом смысле. Он был моим продолжением. Я звал его Лисенок.

Когда нам сказали, что надеяться больше не на что, – помолчав, продолжил Лис, – с Мариной случилась истерика. Не истерика, нервный срыв, да такой, что она на месяц загремела в больницу. А когда ее выписали, она собралась и улетела в тот самый северный город, в котором мы с ней сочтались, так сказать, и в котором у нее осталась родня. Я думал, что оттуда она уже не вернется. Но она вернулась. Правда, совсем другим человеком. Я встречал ее в аэропорту. Задрав голову, не глядя по сторонам, она прошла мимо меня и дальше, сквозь толпу встречающих, не задев никого, как, наверное, волна проникает сквозь гальку. Я торопился за ней, но, удивительное дело, мне-то эти люди чинили препятствия! Я что-то кричал ей вслед, звал, но она не реагировала. Остановилась она уже за стенами аэровокзала, на тротуаре,

дождалась, пока я нагоню ее, и, вполоборота, посмотрев свысока, хотя значительно ниже меня ростом, спросила: «Где ты был, сволочь?»

И тут я понял, что мира не будет и пощады не будет. Но я, конечно, даже не представлял себе, что ждет меня дальше. Но уж этого я описывать не стану, общую картину оно не изменит, а только еще больше сгустит краски. Скажу лишь, что где-то с месяц назад я понял, что у Марины появился любовник.

– Что значит понял?

– Ну, не понял... Может быть, почувствовал. Ведь это легко узнать, когда с близким человеком происходит что-то подобное.

– Возможно, не знаю, – сказала Нина Филипповна, – у меня, слава богу, такой возможности не было, чтобы проверить. Алексей Фомич, царствие ему небесное, поводов мне не давал. Да и я ему, признаться, тоже. И что же дальше?

– Две недели назад я потерял работу. Тоже ничто не предвещало, не назревало... Ни с того ни с сего! А пока я пытался трудоустроиться, Марина привела любовника сюда, к нам. И сегодня они не пустили меня в квартиру.

– Понятно! – громко подытожила Нина Филипповна и звонко хлопнула широкими ладонями по разведенным, по обыкновению, коленкам. – Приятного, как говорится, мало. Ну и ты, раз такое дело, отправился на крышу. Конечно! Во-первых, близко, рукой подать, а во-вторых, где же еще искать решения своих проблем?

– Ну, вы, Нина Филипповна, вообще... Такое говорите! – возмущенно вскинулся возражать Лис. – Говорю же вам, я был словно в тумане, вообще ничего не соображал. Со мной такого никогда не было, правда. Ведь я, когда в себя пришел, чуть не рехнулся. На самом деле... На самом деле я высоты боюсь, поэтому в здравом уме на парапет не полез бы. Я, когда увидел, что на краю стою, я сразу задний ход включил, и не от страха только, а потому, что не собирался ничего такого. А потом ту девицу увидел, чуть ниже, на карнизе. Ну, думаю, она точно сейчас сиганет. А как ее остановишь? Я немного нагнулся, посмотреть, как бы к ней спуститься, и в этот момент кто-то меня и пнул, прямо под зад. Правда пнул, хоть я никого и не видел. Ну а дальше вы все знаете.

Нина Филипповна, упершись руками в колени и оттопырив нижнюю губу, устремила свой взор в потолок. То ли просто задумалась, то ли что-то ей там виделось, она что-то бормотала себе под нос, и губы ее шевелились. Лис подумал, что она похожа сейчас на сфинкса, разгадывающего загадку. Да, очень своеобразного сфинкса, нетрадиционного, но все же...

– Сфинкс не сфинкс, но подумать здесь есть над чем, – сказала Нина Филипповна, по своему обыкновению откликнувшись на его мысли. – В любом случае должна тебе сказать, что ты все воспринимаешь через призму личной обиды. Что, конечно, понятно. Но, будучи обиженным, ты не можешь быть объективным. Ты слишком пристрастен, да. Пройдет какое-то время, и происшедшее будет видеться тебе совсем по-другому. А знаешь что? Гадалка я или нет? Вот я тебе сейчас и погадаю. Еще чаю хочешь?

Глава 3

Карты не врут же?

От чая Лис отказался.

Выпито и съедено было уже достаточно, кроме того, после происшедшего, после всех разговоров тонус его состояния упал совсем до нуля. Хотелось закрыться в каком-нибудь укромном месте, отгородиться от всего, отрешиться, забыться... Да просто отдохнуть-отоспаться... Но где ему теперь найти такое место, он совершенно себе не представлял. Но гадание! Что же, пусть гадалка нагадает ему чудес небывалых, он не против.

– На чем гадать будете? – поинтересовался Веня, наблюдая, как хозяйка ловко и спорно убирает со стола следы чаепития. – Карты Таро?

– Боже упаси! – воскликнула Нина Филипповна. – За кого ты меня принимаешь? Ты вообще часто видел где-нибудь в доступном тебе пространстве карты Таро?

– Ну-у-у... – протянул Веня, пытаясь припомнить и, к какой-то даже радости своей, ничего такого не припоминая.

– Антилопа гну! – бодро отреагировала на его междометие Нина Филипповна. – Можешь не напрягать свой мозг, ничего такого здесь и в помине нет. И знай, что, если ты только попытаешься тут с такой колодой поэкспериментировать, сразу скажут, что сумасшедший. Я сумасшедшей прослыть не хочу. Поэтому никаких Таро! Только старая добрая привычная цыганская колода!

Колоду Нина Филипповна с ловкостью фокусника тут же из воздуха и извлекла и явила на раскрытой ладони. Лис подумал, что карты она вытащила из одной из многочисленных складок своей одежды, но из какой, где, когда – все это осталось совершенно вне его внимания.

Колода выглядела обычно: довольно старая, с обтертыми, закругленными углами и зелеными ромбиками на рубашке.

– Заряди, – сказала Нина Филипповна, протягивая на открытой ладони карты Лису. – Срежь, – подсказала она действие в ответ на его непонимающий взгляд.

Скрюченным пальцем Веня сдвинул карты, примерно половину колоды. Током его не ударило, хотя он, честно сказать, чего-то такого и ожидал.

Нина Филипповна привалилась к столу своим необъятным бюстом. «Могла бы прямо на груди картишки раскинуть. Я так думаю», – действительно подумал в полуавтоматическом режиме Веня.

– Я ведь не всегда была такой... пышной, – отреагировала, по своему обыкновению, вслух Нина Филипповна. – Поверишь ли, когда-то я слыла стройной, грациозной, как лань, девушкой с нулевым размером груди. Кудрявые волосы, тонкое лицо и нос с горбинкой. Только глаза всегда оставались такими же. Называли меня Совой, из-за глаз и потому, что казалась слишком умной. Это было, было, дорогой Веня, ака Лис. Но не в этой, а совсем в другой жизни. Нина Филипповна вздохнула с явным сожалением.

– И имя ваше Наташа, – попробовал подыграть хозяйке Веня. – Ну, в той жизни?

– Не угадал, дорогой мой, – покачала головой Нина Филипповна. В долгом взгляде, который она бросила на Лису, сквозило много, слишком много грусти. – В той жизни мое имя звучало Алия, и оно действительно звучало. Ну, хватит отвлекаться. Нам следует поспешать, время-то не ждет. Я буду гадать тебе на судьбу.

Она еще раз тщательно перетасовала колоду и подрезала ее левой рукой по направлению к себе.

– Колода у меня особенная, в дурака я ею не играю, только гадаю, и только я. Эти карты привыкли к моим рукам, а я привыкла к ним. У нас с ними взаимное доверие, поэтому и рас-

клад я буду использовать самый простой, его вполне достаточно, – поясняла Нина Филипповна свои действия. – Но для начала определимся, какой масти ты у нас король. В том, что король, надеюсь, ты не сомневаешься?

Она еще раз подрезала карты, а потом вытянула одну из середины колоды. Ею оказалась дама бубен.

– Вот, – сообщила Нина Филипповна, – ты у нас бубновый король. Везунчик, как я и предполагала. Найдем его.

Она отыскала в колоде бубнового короля и положила его на центр стола. После этого, отсчитывая каждую седьмую, она выбрала из колоды десять карт и расположила их в отношении короля в два ряда – пять в верхнем и пять в нижнем.

– Ну вот, – подытожила Нина Филипповна физический этап своей работы, – посмотрим теперь, что нам тут выпало...

Подавшись вперед, она поправила карты, прикасаясь к каждой и внимательно их разглядывая. Лис, следивший за процессом гадания с каким-то азартом, обратил внимание, что пальцы у гадалки были сильными и изящными, с короткими отполированными ногтями без маникюра, и совсем не соответствовали ее рыхлой фигуре. «Словно птичьи когти...» – начал было думать он, но тут же прекратил это занятие, зная уже, что мысли его не останутся непроявленными.

– У нас тут семерка треф, что означает известие из казенного дома. Король пик – неприятель, а точнее, враг. Недоброжелательный человек. Пиковая шестерка сулит несчастливую дорогу. Девятка бубновая – некое препятствие. Ну и последняя в верхнем ряду карта – восьмерка червей, что означает – внимание! – счастье. То есть по верхнему ряду в прогнозе складывается такая комбинация. Ждет тебя несчастливая в общем-то дорога, отправиться в которую тебя вынудит сообщение из казенного дома, посланное неким недоброжелателем, как минимум, а то и врагом, который, следует признать, у тебя таки появился. И у тебя есть надежда на спасение, на удачу, даже на счастье в виде элегантной червовой восьмерочки, но на пути к нему тебя поджидает препятствие.

Веня, молча внимавший голосу оракула, шумно сглотнул. Он еще не понимал, нравится ему прогноз или не нравится.

– Обратимся, однако, к нижнему ряду, – не делая остановки, продолжала Нина Филипповна. – А тут у нас во-от что. Бубновый туз – ха! – жди добрых известий. Бубновый валет, у него полные карманы какой-то для тебя прибыли. Но при этом сплетни и интриги завариваются вокруг бубнового короля, о чем нас предупреждает туз треф. Туда же восьмерка пик. Это измена, мой друг. Как видишь, она была предопределена. Тем не менее у тебя в запасе червовый туз, который, вот неожиданность, сулит получение любовного письма. Или послания. Вот только от кого? Ты не знаешь?

Веня замотал головой, одновременно вращая глазами и судорожно пытаясь придумать хотя бы один более или менее подходящий вариант. Но такого не находилось. Никакого не находилось. Он что-то пропустил?

– Ладно, – сказала Нина Филипповна, – не напрягайся, а то повредишься от натуги на пустом, между прочим, месте. Подведем, однако, итог. По этим пяти картам мы видим получение уважаемым кверентом в будущем прибыли и улучшение его финансового положения, о чем извещает бубновый валет. Но, как всегда бывает в подобных случаях, рост чьего-то благосостояния немедленно возмущает вокруг него пространство и живность, его населяющую, начинаются сплетни, плетутся интриги. Зависть – обычное дело. Здесь хорошо бы иметь надежного друга, но нам обещана измена, а что это за измена и одна ли будет измена – это открытый вопрос. Но, как бы что ни сложилось, наградой за пережитые тяготы и страдания будет это любовное послание. Любовное письмо – еще не любовь и не обязательно к ней приведет, но это уже кое-что. Ты еще не сообразил, от кого оно может быть? Нет? Ну и ладно. Значит, будет

тебе сюрприз. Хотя, вероятно, чего-то из заявленного и не произойдет. Надо понимать, что гадание показывает лишь возможность событий, а сбудется оно или нет, зависит от многих факторов. От тебя самого – в первую очередь.

Ну, что тебе сказать? Гадание как гадание, обычное, в общем. Сбалансированное, да, в нем поровну хорошего и плохого. Не забывай о нем, ты же знаешь, кто предупрежден, тот вооружен. Но я ведь гадалка лишь во вторую очередь, главная моя суть в том, что я провидица. И в этом своем качестве я хочу добавить еще кое-что от себя. Дай-ка руку. Левую.

Нина Филипповна взяла протянутую Веней руку.

– Не дрожи, – сказала она ему, – это не страшно. Главное, запоминай все, что услышишь.

Нина Филипповна повернула его руку ладонью вверх и зажала ее между своими руками, так что ее левая ладонь оказалась снизу, а правая – накрывала. Она закрыла глаза и, запрокинув голову, сосредоточилась. Веня в этот момент чувствовал себя как-то стремно. Он хотел было легко и незатейливо пошутить, чтобы выравнять ситуацию и прийти в более или менее привычное состояние, но не стал, мысль эта, едва появившись, отлетела, словно выскочивший камень от вращающегося колеса. Его внезапно прошиб озноб, ибо он ощутил, как руку его, объятую теплыми ладонями Нины Филипповны, стали пронизать слабые, но хорошо различимые токи. Лицо провидицы вдруг побледнело, разгладилось и стало похожим то ли на маску, то ли на лицо совсем другой, более молодой и одухотворенно красивой женщины. Едва разжмая губы, из которых с каждым словом вырывались и мельчайшие капельки слюны, она стала вещать:

– Всего тебе предстоит шесть схваток, они будут происходить одна за другой, их цель – пробудить тебя и направить. Можно сказать, что одну из шести ты уже прошел, считай – выиграл. Когда пройдешь остальные пять, тебе откроется дорога, на которой ждут тебя чудесные события и превращения.

Вижу тебя дальше. Ты идешь по дороге, которой нет. Дорога та приведет тебя в место, которое находится между прошлым и будущим, но оно и вне настоящего.

Времени, каким ты его знаешь, там нет. Время там зеркало, или река, или небо под ногами.

В том месте может случиться все, но никогда ничего не случается.

А когда все же случится, все вернется на круги своя.

Но чтобы все завершить, ты должен найти цветок Нелюбим. Цветок папоротника, он растет на краю, ты знаешь.

Ночь останется ночью, а день станет днем. Свет отделится от тьмы.

Раньше или позже, но тебе снова придется прыгнуть с башни и изжить страх высоты. Не бойся ее – она пусть боится тебя.

Последний отрезок ты преодолеешь вместе с Хароном, его лодка увезет тебя за реку, к истоку.

А когда все закончится, все только и начнется...

Нина Филипповна замолчала. Она сидела недвижима, словно неживая, лицо сделалось совсем белым, на губах застыла, прикипев, капелька слюны. Осторожно потянув руку, Веня вызволил ее у Нины Филипповны. И тогда она пришла в себя, щеки ее порозовели, как вспыхнули. Она вновь опустила голову на грудь.

– Уф, – сказала усталым голосом, – уморил ты меня, Вениамин. Добавлю еще пару слов. Во-первых, с женой твоей, Мариной, все будет нормально... Но вы никогда больше не будете вместе. Прими это как данность, как задел новой жизни. Просто представь себе, что ты поднялся на следующий уровень, это, кстати, недалеко от истины. Что случилось, то уже случилось, и прошло, и обратно не отыграется. И, во-вторых, самое главное. Сына своего ты найдешь, но только в самом конце, после того как пройдешь все круги свои. А их у тебя будет достаточно, ты сам все слышал. Вальтер, надо же...

Нина Филипповна улыбнулась чему-то своему, каким-то мыслям или воспоминаниям, но когда Лис попытался выпросить у нее еще какие-нибудь подробности видений, провидица, выставив пред ним ладони, прервала его:

– Нет-нет, больше ни слова. Все, что могла и даже чего не могла, я тебе рассказала, поэтому больше ни о чем меня не расспрашивай. Иди, миленький, иди. Оставаться тебе здесь дольше нельзя. Куда, кстати, пойдешь, ведь домой тебя, поди, не пустят? Есть куда идти?

– Нет, не знаю еще, – вздохнул Веня. – Что-нибудь придумаю... Возможно...

– А что тут придумывать? – удивилась Нина Филипповна. – Если я не ошибаюсь, у тебя в кармане ключ от квартиры лежит. Лучшего места тебе сейчас и не придумать и не найти.

– Точно же! – просияв, воскликнул Веня.

Он полез за пазуху и, сдвинув молнию, достал из внутреннего кармана джинсухи ключ. Он-то про него совсем забыл, ему и в голову почему-то не пришло, что выход, пусть и временный, лежит у него в кармане. Лежал, потому что теперь он держал его в руке.

– Это друг мой Мишка укатил в очередное свое путешествие, на полгода, и оставил мне квартиру. Ну, чтобы присматривал, – рассказал он, демонстрируя зажатый между большим и указательным пальцами десницы ключ от английского замка. И вдруг – ошеломленно: – А вы как?..

– Нет, по карманам не лазила, если ты это имеешь в виду, – ответила Нина Филипповна, откровенно забавляясь его удивлением. – Пора уже понять или запомнить, если тебе так удобней, что у меня свои источники информации. И методы свои, вполне приличные. Ладно, коль скоро все утряслось на данном этапе, отправляйся. И еще... По-пустому ко мне не приходи, только в крайнем случае. Запомнил? Только в крайнем случае! Деньги у тебя есть?

Веня ощупал карманы и смущенно улыбнулся, вспомнив, что они уже давно пусты. «Где деньги, сволочь?» – подумалось ему.

– Понятно.

Нина Филипповна вышла из кухни в комнату, а вернувшись, сунула ему что-то в нагрудный карман куртки:

– Много дать не могу, но на какое-то время тебе хватит. Дверь, в которую он никогда не входил, захлопнулась за его спиной. И спиной же он почувствовал, что там, за дверью, совершаются какие-то ритуальные или магические действия, имеющие к нему непосредственное отношение, поэтому помедлил. А когда поток энергии из-за двери иссяк, он вздохнул, нахохлился и, засунув руки в карманы куртки, вышел в совсем уже распоясавшуюся за стенами дома ночь. Не оглядываясь. Прошлого, по совету мудрой женщины с желтыми глазами, он оставил позади. Но сама женщина странным образом сопровождала его всю дорогу к Мишкиному дому. Ее глаза виделись ему во всех уличных фонарях и в каждой из множества желтых звезд на ночном небе. Фонари и звезды точно были на его стороне.

Ему очень хотелось так думать.

Глава 4

Ежовая квартира

В этой квартире жили ежики. И не только жили, но и, похоже, размножались с невиданной скоростью. Едва только Веня открыл квартиру и зажег свет, как сразу понял, что ежиное войско в этой отдельно взятой точке пространства с момента последнего ее им посещения значительно приросло. Ежи были повсюду, они устилали своими телами доступные им поверхности, причем доступными для этих колючих грызунов оказались все плоскости, выпуклости и покатости в доме. В некоторых случаях ежи умудрились расположиться и на вертикалях. Словом, если вы еще не поняли, на этой жилплощади обосновалась полноценная и весьма обширная коллекция ежей.

Михаил собирал ежей.

Будучи профессиональным путешественником, Мишка отовсюду, куда ни забрасывала его логика маршрутов, тащил в свой дом ежей. Потом, когда друзья убедились, что эта страсть у него всерьез и надолго, тоже стали дарить ему ежей, по поводу и без. Веня и сам помог обрести здесь дом парочке сирот.

Кстати, втайне он всегда завидовал Мишке. Иметь такую профессию, путешественник, это ли не мечта? Мечта, самая настоящая! И потому неосуществимая. Это так, к слову.

Лет за пять Мишке удалось собрать довольно внушительную коллекцию колючих статуэток, кукол и чучел зверьков.

Встречались в ней замечательные и даже уникальные экземпляры, как, например, чучело мадагаскарского ежа, но, на скромный Бенин вкус, примерно наполовину коллекцию можно было сократить без какого-то для нее ущерба. Напротив, от решительного секвестрования она только бы выиграла в плане качества, потому что как раз эту половину составляли дешевые китайские поделки, пластмассовый ширпотреб. Но тут Михаил был непреклонен. «Все искусства хороши и имеют право на существование», – говорил он. Мишка, кстати, и сам был похож на ежа, невысокий, плотный, обтекаемый, с носом лопаткой и торчащими в разные стороны, словно колючки, волосами. Он был добряком и балагуром, однако Веня-то знал, что внутри его, под мягкой обшивкой, спрятана стальная рессора. Но, на минуточку, ведь и еж, если забыть про его мимимишный вид, – хищник.

Однажды Михаил вернулся из очередной экспедиции, а дома, кроме верных ежей, – никого. Жена его Анна, в отсутствие мужа, собрала вещи и растворилась в пространстве в неизвестном направлении. Видимо, решила или почувствовала, что с нее довольно колючего и холодного, а хочется живого и теплого. Справедливости ради надо отметить, что в свои путешествия Мишка Анну никогда не вовлекал, и где он там на самом деле пропадает, она могла только догадываться. Видимо, у нее были-таки некоторые предположения насчет истинных маршрутов супруга, на основании которых она и сделала свои радикальные выводы. Мишка внешне никак не откликнулся на это событие. Он молча выпустил в стаю новые трофеи и стал жить, как и жил раньше, только приглядывать за квартирой и пасти ежей теперь поручал Лису.

Лис доверием друга не злоупотреблял, в квартире бывал редко. Он только хранил у себя ключ и еще оставил свой телефон Мишкиным соседям, чтобы вызвали в случае чего.

В этот раз квартиру он открывал с какой-то тревогой, что встретит там кого-то незнакомого и неприятного. Мысли эти, надо полагать, возникли у него не случайно, а под воздействием всей череды неприятностей последних дней, однако никого постороннего в квартире не оказалось. Только ежи. Колючие стражи зафыркали было поначалу, возбудившись от его вторжения, но быстро признали в нем своего и замолчали. Но настороженных глаз тем не менее

– не спускали, блестя бусинами отовсюду и отслеживая каждый его шаг. Веня отмахнулся от них, сказал: «Кыш!», и ежи послушно занялись своими ночными делами.

Только оказавшись в изолированном от окружающего мира, закрытом месте, Веня почувствовал, как же он смертельно устал за этот бесконечный день, переполненный событиями, которых вполне могло хватить на чью-то жизнь. А что? Безработный, теперь вот бездомный, потерял семью... А ведь мог сегодня и жизни лишиться! В общем, ничего ему не хотелось, даже есть, хотя и чай давешний из него уже вышел, и варенье Нины Филипповны усвоилось без остатка. Вместо ужина, он подвинул к окну глубокое и удобное Мишкино кресло, погасил свет и в то кресло плюхнулся, точно вернулся в матрицу. Ноги он закинул на подоконник, для чего пришлось расчистить на нем место, бесцеремонно растолкав в стороны ежей. Ежи возмущенно загалдели, а после долго еще сопели носами, принюхиваясь к незнакомому аромату Вениных носков. «А, пусть их», – постановил Лис.

Он собирался хорошенько подумать и прийти к какому-то пониманию, что на самом деле происходит, но ничего не получалось. Он был слишком уставшим, чтобы думать и анализировать, но и слишком возбужденным, чтобы сразу уснуть. Все его переживания и мысли, с ними связанные, теснились в голове, будто в переполненной приемной, одновременно высказывались и требовали к себе внимания. В результате получался шум, громкий и неприятный, который лишал его остатков сил. Веня попробовал избавиться и от шума, и от того, что его вызывало, от всех-всех мыслей. Он знал специальную методику. Для начала следовало представить себе, что голова изнутри – просторная пустая комната, которую нужно вымести большим пушистым веником. Управлять веником на расстоянии – задача не из легких, требующая полной концентрации внимания, поэтому поначалу приборка давалась ему с трудом. В конце концов он овладел процессом, и ему удалось навести в голове аскетический порядок, повыметав из нее весь сор. После этого оставалось лишь отслеживать каждую залетную мысль, которые периодически возникали из ниоткуда, и, не давая им развернуться, выпроваживать всех вон. Сразу, немедленно, веником, веником! Он и с этим справился. И только тогда наступила тишина, которая позволила ему наконец расслабиться. Через какое-то время чистая горница его головы наполнилась невесть откуда взявшимся легким светящимся туманом, в глубине которого стали возникать фантастические образы. Образы проявлялись, и пропадали, и появлялись вновь, никак, впрочем, его не беспокоя. Как бороться с ними, он не знал, да уже и не хотелось. Расслабленность, лень и сонная нега овладели им.

Шторы на окне он не задернул, поэтому одна только легкая тюлевая занавеска отгораживала внутренний объем комнаты от окна и, далее, от внешнего подлунного мира. Ну как отгораживала – символически, иллюзорно. Мир тот на самом деле был рядом, он сообщался с комнатой напрямую, окно исчезло, а может, не существовало никогда, они были одно.

Пока Веня воевал с мыслями, на видимый ему из кресла сектор небосвода выкатилась луна. До полнолуния оставалось всего несколько дней, поэтому луна была почти круглой, однако совсем не казалась громадной, да и не светила чрезмерно ярко. По какой-то необъяснимой причине она выглядела желтой-желтой, слегка оранжевой, и что-то до боли знакомое ему напоминала. А когда их, лун, на небосводе вдруг стало две, он вспомнил, что когда-то, давно-давно, был знаком с женщиной, у которой были такие вот, словно две луны, глаза. Ту женщину, как и Нину Филипповну, называли Совой, он вспомнил ее теперь окончательно. Ее сопровождала птица с такими же круглыми, как яичные желтки, глазами. Да что, собственно, значит вспомнил? На самом деле он ее никогда не забывал. Вот, кстати, и она.

Сова, в свойственной ей манере, появилась неожиданно, это притом, что он ждал ее. Она прилетела, по обыкновению оседлав луч света, который сама же запустила в его сторону. Серая птица, точно большая бабочка, бесшумно вилась над ее головой. Легко соскочив с луча, она по инерции сделала еще два круга над его островом-таксоном и опустилась на лужайку перед мастерской. И глаза ее тогда стали зелеными, почти такими же, как трава под ногами.

Он подумал, что, когда глаза были желтыми, ее взгляд пронзал пространства, быть может, и время, а теперь он пронзает его сердце.

– Вот, – сказала Сова, – мне передали, что ты тут извелся, ожидая меня... Это правда? Что за срочное у тебя дело?

– Даже предположить не могу, кто мог тебе такое сказать? – возразил он вроде сурово и в то же время жмурясь от удовольствия видеть ее так близко.

Сова хохотнула:

– Добрые люди передали! Не забывай, у меня везде есть друзья, которые снабжают информацией.

Ему было неприятно это нарочитое упоминание о друзьях. Возможно, он ревновал. Слегка. Проблема состояла в том, что их с Совой отношения были весьма туманны. Про себя он знал, что любит ее больше всего на свете, но вот что касается ее, тут была сплошная уклончивость. Принцип неопределенности – главный принцип, которому следовала Сова в своей жизни. Совершенно точным было лишь то, что она дразнила его, поэтому он тоже помалкивал о своих чувствах. Однако похоже, что она обо всем догадывалась, и потому снова и снова дразнила его. Вот и теперь.

Сова не могла стоять на месте. Заложив руки за спину, она ходила вокруг него кругами, глядя с прищуром и посмеиваясь. Да она просто забавлялась.

А он стоял в центре описываемой окружности, скрестив руки на груди. Ему хотелось казаться суровым, да он таковым и показался бы кому угодно, но только не ей. Сова видела его насквозь. А он молча любовался ею.

Если бы кто-то сказал, что Сова не красавица, он немедленно вцепился бы такому знатоку женской красоты в глотку... Хотя, быть может, тот критик в чем-то был и прав. Потому что выдающейся, броской красотой она действительно не обладала. Но что считать красотой? Для него она заключалась в той жизненной силе и в том пламени страсти, которые бушевали в ней. И если кто-то этого не замечал, что же, он был этому обстоятельству только рад. Потому что соперников и так хватало, а препятствий у любви было столько, что если думать о них, так лучше и не жить.

Совершенно точно, Сова не была похожа ни на одну другую женщину. Справедливым было и обратное утверждение: никто не мог приблизиться к ней и близко. Хрупкая, изящная, миниатюрная, с тонким ясным лицом и круглыми восторженными глазами, смотревшими на мир как на парк чудес, она была похожа на драгоценную фарфоровую статуэтку, которую ему довелось как-то добыть в одном из своих тайных бросков. Упомянутая привычка смотреть на все широко открытыми глазами, маленький острый нос и коротко остриженные, торчащие в разные стороны светлые волосы способствовали тому, что за ней закрепилось это прозвище, Сова. Сама она была вовсе не против такого к себе обращения, а вот он лучше звал бы ее по имени. По имени... У нее конечно же было имя, но он пока никак не мог его вспомнить.

Сова сама шила себе наряды, да. Шила – не совсем точное слово. Она их творила. Она так могла завернуться в кусок ткани, что этот внезапный наряд немедленно становился последним писком моды и образцом для подражания. Причем ткань могла быть как драгоценной, так и самой простой, в ее импровизациях это не играло такой уж важной роли. Вот и сегодня она была в сиреневом. Оттенков сиреневого было не менее пяти, самым светлым был шарф из легкого газа. Шарф укутывал горло, обволакивал плечи и развевался за спиной, как два крыла. Маленькие ступни ее ног осторожно обнимали туфли на высокой платформе, отчего походкой она напоминала китайскую принцессу. Что ему особенно было приятно – на груди молодой женщины, на простом кожаном шнурке, висел небольшой деревянный кулон с вырезанными на нем рунами. Кулон сделал и подарил ей он, только вот по какому случаю?..

Почему он так подробно обо всем этом думал? Все просто: потому что ему приятно было об этом думать.

Набегавшись, Сова остановилась прямо перед ним. Близко. Ближе, чем принято, но не ближе допустимого.

– Я вот думаю, – сказала она, – а не заказать ли мне у тебя кровать?

– Я сделаю для тебя кровать, – сказал он, улыбнувшись.

– Но мне не простая кровать нужна, – продолжала разговор Сова. – Мне нужна двуспальная кровать, настоящее супружеское ложе.

Тучка набежала на его лицо.

– Сова собралась замуж? – спросил он ровным голосом, не выдав своей печали.

– А почему нет? – вопросом на вопрос ответила Сова. – Рано или поздно, но это все равно случится. Так почему бы не подготовиться заранее? Выйду вот замуж, рожу сына... Назову его Вальтер...

– Почему Вальтер? Что за имя такое ты придумала?

– Это древнее имя. Звучит как название оружия, для мальчика в самый раз.

– Ты, я смотрю, все продумала. И что, жених уже есть на примете?

– За женихом дело не станет! – рассмеялась Сова. – Вот ты, например, чем не жених? Так ты сделаешь мне кровать?

– Я сделаю для тебя такую кровать, – подтвердил он обещание, и его слова были исполнены скрытого смысла. Впрочем, для Сова, похоже, чужие мысли не были тайной.

– Сделаешь, правда? – продолжала она свой игривый разговор. – Но моя кровать должна быть особенной. Ты должен сделать ее из дерева гофер.

– Вот ты куда хватила, – усмехнулся он. – Из дерева гофер... Хорошо, я сделаю тебе такую кровать. Из дерева гофер.

– Но это дерево в Горнем мире не встречается...

– Ничего, я знаю, где оно растет.

– А как же ты сможешь доставить его сюда?

– Я знаю способ.

– Да-да, мне рассказывали, что ты умеешь проникнуть куда захочешь. Ты называешь свои вояжи бросками. Твои броски скрытые и неотразимые. Потому тебя и называют Лисом.

– Это мое дело, Сова. Предоставь все мне.

– Но ведь это запрещено! – воскликнула она в притворном ужасе. – И опасно!

– Риск – благородное дело, – сказал Лис. Ему нравилось, когда его звали Лисом. – Я сделаю для тебя кровать из дерева гофер. Но при одном условии.

– Что за условие? – затаив дыхание спросила Сова.

– Если ты выйдешь замуж за меня.

– Фрюж! – воскликнула Сова. – Ты делаешь мне предложение?! А если я возьму и соглашусь? Что тогда? Обратного пути уже не будет...

«Фрюж? – подумалось ему. – А это еще что за фрукт?»

– Конечно, ты согласишься, ты не можешь не согласиться, потому что лучшего предложения тебе не будет, – сказал Лис вслух. – Да ты уже согласна!

– Я? – Сова постаралась изобразить на лице самое искреннее удивление. – Кто тебе такое сказал? Да ничего подобного! Не обольщайся!

– Тебе просто хочется меня поддразнить, – объяснил он. – Только дразнить меня не надо. Лучше поцелуй. В знак того, что согласна.

– С чем это я согласна?

– Согласна стать моей женой.

– Но, дорогой Фрюж, ты ведь понимаешь, что это разговор о любви?

Он протянул руки, чтобы обнять ее, ему казалось, это так легко – обнять Сову. Он даже представил себе, как это прекрасно, обнять Сову. Он почти наяву почувствовал ее тепло, и в голову ему ударил любовный хмель. Но она легко вывернулась из его уже, казалось, замкнув-

шихся объятий и, смеясь, стала удаляться. Он бросился за ней, но ноги увязли по щиколотки в какой-то трясине, и каждый шаг давался ему с невероятным трудом. Пространство вдруг разом переменялось, и он уже не узнавал ничего вокруг и не мог понять, где находится. Вместо мастерской и своего таксона, он увидел перед собой неизвестный ему лабиринт, расположенный в совершенно незнакомой местности. Действительно неизвестный, что было невозможно, потому что он, как лучший контрабандист всех времен и народов, знал все когда-либо существовавшие лабиринты, а также те, которые могли быть когда-нибудь построены в будущем. Но этот был ему незнаком. И именно в него устремилась Сова. Он бросился за ней не раздумывая.

Единственная мысль овладела им: во что бы то ни стало надо вывести Сову из этого гиблого места, где им обоим грозила смертельная опасность. Но молодая женщина, похоже, ни о чем не подозревала и, смеясь, уходила дальше, убегала, ускользала. Эта гонка продолжалась целую жизнь, а когда он, казалось, совсем уже настиг беглянку, пространство, это зыбкое и вечно меняющееся пространство стало сворачиваться, сжиматься в точку, превратившись в черную дыру. А когда чернота заполнила и поглотила все сущее, на черном и, казалось, исчезнувшем небе зажглись желтые глаза Нины Филипповны и захлопали, забили птичьи крылья. И в тот момент, когда он готов был что-то понять или что-то вспомнить, в уши его, парализуя сознание и истребляя мысли, ворвался не то крик, не то зов: «Алия-я-я-я! Алия-я-я! Алия-я-я-я!»

Глава 5

Опасайтесь утренних звонков

Из сна Лис вывалился, словно из мчавшейся на полном ходу машины, дверца которой не выдержала перегрузок на вираже и распахнулась. Но ему еще повезло, его выбросило прямо в глубокое кожаное кресло, в котором он, как ему помнилось, и был до того, как отправиться в этот странный сон. Он раскрыл глаза, и перед ними нависал потолок – чужое небо чужой квартиры. Лису понадобилось какое-то время, чтобы сообразить, где он находится.

Итак, он у Мишки дома. Сквозь незакрытое шторами окно в комнату вливался холодный свет еще самого раннего утра. Свет был слабым, он почти полностью поглощался тюлевой занавеской, поэтому в помещении царил густой, едва разбавленный серым мерцанием сумрак.

В прихожей, разрываясь от усердия, звонил телефон. Он звонил и звонил, подпрыгивая, словно это ему самому было жизненно важно докричаться, добиться и почувствовать прикосновение теплой руки. В продолжение сна и как его отголосок, в голове Лиса витали обрывки совсем другого зова, которые ему хотелось собрать, слепить и прослушать еще раз. Ему тоже казалось важным это сделать, но тот крикун в прихожей заполнил собой всю звуковую вселенную и совершенно не позволял сосредоточиться на чем-то другом.

«Какого черта? – дал волю своему раздражению Вениамин. – Кому там в такую рань понадобилось...» Он вдруг сообразил, что о его здесь нахождении, кроме Нины Филипповны, не знает никто и что она вряд ли стала бы ему сюда звонить, потому что и телефона не знает, да и просто незачем. Значит... Значит, что? Звонят Мишане? Но его здесь нет, следовательно, он может и не отвечать. Имеет полное на то право.

Телефон, захлебнувшись, наконец смолк, но, как оказалось, ненадолго. Через полминуты он, подскочив вверх на деревянной поверхности, забился в приступе рабочей горячки вновь. Служебного рвения ему было не занимать.

Веня совершенно точно знал, что делать этого не следует, что никаких хороших новостей для него не будет, а будут, наоборот, нехорошие, но словно какая-то сила все решала и делала за него, хоть и с его пассивным участием. Против воли, как зомби, он поднялся с нагретого кресла и вышел в коридор, к телефону. «Черт, черт, черт!» – повторял он про себя, беря трубку.

В наушнике замерла настороженная тишина. Ощущение было такое, словно тот, кто звонил, кто так долго и настойчиво его добивался, совсем не ожидал, что у него это получится. Веня тоже молчал, выжидая и надеясь, что тот, на другом конце провода, передумает и положит трубку.

Не срослось.

– Веня, Веня, ответь! – разорвал тишину сторожкий Мишкин голос. Странный голос, как показалось Лису, дрожащий и вроде бы испуганный, что для его друга было совсем не характерно. Отвечать совсем не хотелось, но делать нечего, раз уж взял трубку, надо что-то говорить.

– Мишка, ты, что ли? Привет! – Лис попробовал разыграть вариант разговора спросонья, чтобы, в случае чего, сослаться на то, что чего-то не понял. Он даже зевнул пару раз для убедительности. – Ты чего в такую рань звонишь? Что-то случилось?

Но с Мишкой все эти штучки, хитрости и уловки не очень проходили.

– Привет, привет! – просипел простуженно Мишка и сразу взял быка за рога. – Ты что это в моей квартире делаешь? Ты в ней живешь?

– Слушай, да я всего-то одну ночь здесь провел, – стал оправдываться Веня. – Но ты же сам мне ключ дал, чтобы я за ежиками твоими присмотрел? Ты, вообще, как узнал, что я здесь? Ты что, звонил?.. Ты с Мариной разговаривал?

– Никуда я не звонил и ни с кем не разговаривал! – почему-то выкрикнул Михаил, похоже, он находился в предельно взвинченном состоянии. Нельзя было и предположить, что стало причиной такого его возбуждения. – Но одно дело присматривать за квартирой, а другое – жить в ней.

– Да что же случилось? – пытался добраться до сути Вениамин. – Ты что, приезжаешь? Ты же вроде не собирался в ближайшее время...

– Нет, не приезжаю. – Мишка замолчал надолго, то ли собираясь с мыслями, то ли подбирая слова. – Но если что – приеду! Я знаю все твои обстоятельства! – выпалил он наконец. – Меня предупредили! Оттяпать мою квартиру у тебя не получится. Можешь не строить на нее планы.

– Оттяпать? – Веня не верил своим ушам. И это говорит его друг? – погоди, погоди, – стал торопливо объясняться он, – что значит «оттяпать»? Что это вообще за бред такой? Мне не нужна твоя квартира. Мне здесь только пару дней перекантоваться, пока проблемы не разгребут. Кто вообще тебя накрутил? Что тебе наговорили, я ничего не пойму? Я не собираюсь оттяпывать твою квартиру! У меня и мыслей таких не было! Мы старые друзья, как ты можешь так думать?

– Вот и не получится, – стоял на своем Михаил. Он говорил все более резко и хлестко, привычное его легкое валяние языком куда-то пропало, уступив место жесткому карканью. – Имей в виду, – сказал он, – я уже сообщил куда полагается, так что можешь на мою жилплощадь губы не раскатывать. А можешь немедленно ее освободить. Ключи соседям отдай, соседи присмотрят, я уже договорился...

Это был какой-то бред, словно сон на самом деле не закончился, просто романтика в нем сменилась всплеском абсурда. Веня не мог поверить, что разговаривает с другом, со своим старым другом, с которым в прежние времена не раз попадали в действительно сложные ситуации и благополучно из них выбирались.

– Ладно, – устал сопротивляться Лис, – будь по-твоему. Но мне нужно еще три дня.

– Немедленно!

– Три дня...

– Сегодня же!

– Я ведь могу ключи и Анне отдать... – решил блефовать Веня.

Михаил снова надолго задумался.

– Я так и знал, что без твоего участия не обошлось, – сказал он наконец. – Подлец ты, Лис! Падла!

Это была неправда, к уходу Анны Лис не имел ни малейшего отношения. Но что-то, какая-то злая сила прямо сейчас, в данный момент разрушала их с Мишкой дружбу, и ничего поделаться он не мог. Их давние, очень давние отношения, похоже, разваливались на глазах, и склеить их, если и удастся, так не скоро, но такими, как прежде, они, вероятно, уже никогда не будут. Все, что он мог в данный момент и в данной ситуации сделать, – это выторговать себе пару дней передышки. Время нужно было ему хотя бы для того, чтобы все как следует обдумать и постараться понять, что же происходит. А пока он не понимал ничего. Пока у него было лишь вполне обоснованное подозрение, что все силы этого мира ополчились против него. Но вот почему? Что он им сделал? Этого он не знал.

– Три дня, – повторил он свое условие.

– Два, – сыграл на понижение Михаил.

– Три, – оставался тверд Веня.

– Черт с тобой! – вынужденно согласился друг, все еще друг. – Хотя это уже не имеет значения. Впрочем, как хочешь, я тебя предупредил... И чтобы духу!.. – закончил он эмоционально, на высокой ноте, и бросил трубку.

Веня постоял какое-то время, держа телефонную трубку прижатой к груди, слушая, как пробиваются из наушника во внешний мир гудки отбоя. «А денек начинается, похоже, даже веселей, чем вчерашний, – подумалось ему невесело. – Интересно, какие результаты по итогу будут вечером?» Он медленно, почти машинально положил руку на рычаг телефона, отсекая соединение, а потом так же медленно и осторожно вернул трубку на место.

В квартире повисла звенящая тишина, в которой, как обрывки галлюцинаций, плавали, перемешиваясь, клочки секунду назад случившегося разговора, слова, фразы и множество вопросительных знаков. То есть сама тишина и звенящее в ней напряжение звучали как вопрос: что это было? Реальность, возникшая вчера из каких-то первоначальных непонятных знаков, странных поступков людей и выпавших из нормальности событий, продолжилась и этим утром. Продолжилась разговором, который не должен был случиться, с человеком, со старым знакомым и другом, который вел себя как совсем незнакомый и не совсем друг. Мягко говоря. Абсурдностью и фантастичностью реальность продолжала тот сон, в котором он побывал ночью, и имела все шансы переплюнуть его в этих компонентах. Сон, который Лис помнил на удивление хорошо, со всеми деталями, такими, как, например, запах духов Софы, цвет двери мастерской или упругость травы на газоне, казался ему более реальным и более нормальным, чем разговор с Мишкой. Веня вновь почувствовал себя зверем, загнанным в угол, из которого нет выхода. Горят и приближаются факелы, слепя и обжигая лицо... Или морду? Ну нет, он не зверь и не даст себя в обиду. Хотя зверь тем более будет бросаться на врагов и рвать их клыками, пока сможет двигаться. Но он должен что-то придумать. Должен. Правда, в голову пока ничего не приходило толкового. Бестолкового – тоже не приходило. Пустота кромешная. Хорошо хоть, есть время подумать, спасибо Мишке. И – привет Мишке!

«Сюр какой-то», – подумал Веня. Сюра ему не хотелось, такой текучей, неузнаваемой реальности не хотелось. Уж лучше вернуться в сон. Но хоть сон и жил в его памяти и в его ощущениях как реальность, в которой он когда-то на самом деле побывал, вернуться туда ему не удастся. По крайней мере, в ближайшее время. Да и просто заснуть, без сновидений, не получится. Понятно, что не получится.

Лис зашел в ванную, там открыл кран и какое-то время ждал, чтобы стекла застоявшаяся в трубах вода. Потом плеснул пару пригоршней в лицо и прополоскал рот. Вода, хоть и пошла холодная, пахла ржавчиной и еще чем-то, какой-то рыбой, что ли, и была неприятна на вкус. Очень неприятна. Кривясь и отплевываясь, он отправился на кухню и там проинспектировал все ящики и холодильник. Итог был неутешителен, из продуктов нашлось лишь немного кофе и столько же сахара – Михаил перед отбытием своим подчистил все основательно. Этого было мало для жизни, но чтобы начать день – хватало вполне.

Он сварил кофе, а потом долго сидел, попивая его маленькими глотками и наблюдая, как незаметно, исподволь, становился прозрачней белый свет за окном. Время словно исчезло, не остановилось, не замерло в ожидании знака, чтобы по нему сорваться в бешеный галоп, а исчезло, точно не было никогда. Возникло удивительно легкое состояние причастности к вечности, которая таки точно есть. Вот она, держит за руку и заглядывает в глаза. Мыслей на другие темы не возникало никаких, и слава богу, без этой шумной и суетной компании было значительно лучше. Легче, во всяком случае. Но тем не менее какая-то работа на одном из уровней его сознания шла, он ощущал ее слабый подспудный гуд и старался не мешать. Кофе был на удивление хорошим, давно он такого не пробовал. Видимо, Мишка привез его из какого-то очередного своего вояжа. И не поделился, зажал, подлец. Ничего, зато теперь есть возможность отдать ему должное. Им обоим. Отдать и воздать.

Потом он слонялся по квартире, надолго замирал у окна, выглядывая на улицу, включал и тут же выключал телевизор или же принимался читать и сразу бросал какую-то книгу, кажется путеводитель из Мишкиных запасов, – все тщетно, ничто не могло увлечь его настолько, чтобы отвлечь от внутренней работы сознания, которая шла, шла... Он эту работу никак не под-

талкивал физически, не пытался ее ускорить, да и не смог бы, даже захоти, но поощрял эмоционально, посылая в подсознание едва ощутимые сигналы, что заинтересован в результате, что нужна ему хоть какая-нибудь зацепка, воспользовавшись которой он смог бы продвигаться дальше. Сейчас не имело значения, куда двигаться, важно было просто начать движение, потому что состояние абсолютного непонимания того, что происходит, на фоне ощущения надвигающейся катастрофы убивало. Просто убивало.

Ближе к полудню Лис вдруг почувствовал, что проголодался. Живот резко подвело голодными спазмами и потом уже не отпускало. Еще бы, ведь он не ел со вчерашнего дня. После варенья Нины Филипповны – ни крошки больше не попало в его рот. Кофе – не в счет. Кстати, Нина Филипповна! Он вспомнил, что вчера она будто бы дала ему денег. Полез в карман, и действительно нашел их там, аккуратно свернутые конвертиком несколько купюр. Денег было немного, но на тарелку супа хватит, а ему, он это чувствовал, просто необходимо поесть горячего.

Столовая неподалеку от Мишкиного дома, которую он давно заприметил и даже посещал неоднократно, была совершенно без претензий на роскошь, на элитный статус, на индивидуальное отношение к клиентам и прочие подобные завлекалки. Обычная рабочая столовка с самообслуживанием, где рабочий люд, в основном водители автобусов, дальнбойщики и таксисты, получали за свои небольшие деньги то, что они могли за них получить. Все было честно и, как всегда считал Веня, достойно. Никто еще не отравился, и это главное.

Большая тарелка борща с ложкой сметаны и четыре куска хлеба. Если не хватит, хлеба можно будет взять еще. Аромат, шедший от этого чуда кулинарного искусства, дурманил сознание, а первая торопливо проглоченная ложка ввергла Веню в катарсис. Он упоенно внимал и сопереживал процессу сложного превращения борща внутри себя в мощную очищающую и исцеляющую силу, отчего испытывал самые возвышенные чувства. Именно так, возвышенные. Раз уж человеку приходится поглощать столько органики, почему же не испытывать от этого процесса удовольствие и да, восторг, почему нет? Веня прикрывал глаза и блаженствовал над каждой ложкой борща, ни в коем случае не поспешая. Куда спешить? Хлеб тоже был на высоте, с хрустящей корочкой и ароматной пропеченной мякотью. Он тщательным образом разжевывал каждый его кусочек и глотал не раньше, чем оба – и хлеб, и он сам – были к этому готовы.

Но ничто прекрасное не длится вечно. Возле стола, за которым блаженствовал Вениамин, словно из воздуха вдруг нарисовался гражданин неопределенных лет и, судя по всему, в весьма стесненных обстоятельствах и дрожащей рукой потянулся к последнему оставшемуся на тарелке куску хлеба. «На принципах взаимообразности», – продребезжал он своим речевым аппаратом и, не дожидаясь разрешения, схватил тот кусок цепкой лапкой. И тут же затолкал его в прокуренную и опаленную щель в сивой бороде, два раза жевнул и проглотил, без натуги. Веня смотрел на мужика с изумлением. Такого профессионального глотателя хлеба он еще не встречал. А тот, довольный произведенным эффектом и конечно же достигнутым результатом, учтиво поклонился, сказал: «Премного!» – и был таков. Веня усмехнулся. «Что тут поделаешь, – подумал он, – живешь сам, дай жить другим. Ешь сам, поделись с тем, кто голоден. Таков принцип...» И тут его осенило. Не то чтобы все стало ясно, но он кое-что вспомнил. В голове, заискрив, замкнулись контакты, и на внутренний экран сознания тут же вывелись результаты подспудной работы. Результаты, безусловно, промежуточные, заключались они в одном слове, но что за ним стояло, что оно значило для него – было пока совершенно не ясно. Однако все же это было уже кое-что, указывало направление и открывало возможность думать целенаправленно.

Выйдя из столовой, Веня в небольшом гастрономе на оставшиеся деньги купил батон и бутылку кефира, после чего медленно, словно засыпая на ходу, вернулся в Мишкину квартиру. Теперь ему было чем заняться, главное, чтобы никто не мешал.

Глава 6

Кое-что о принципах

Итак, что там было о принципах?» – подстегнул Веня свой мозг вопросом, едва расположившись в удобном и тем угодном ему Мишкином кресле. Он задумался, припоминая слова Нины Филипповны, однако с наскока, сразу войти в эту дверцу не удалось. И Нина Филипповна, и слова ее уже были в прошлом, во вчерашнем сне, и чтобы вернуть их снова, следовало приложить определенные усилия. Веня закрыл глаза и сосредоточился, чтобы реальность дня сегодняшнего не отвлекала, и в конце концов вчерашний вечер выступил из звенящей фольги забывания. Лис в какой-то миг даже ощутил аромат земляничного варенья, сглотнул слюну.

«Ничто само по себе в этом мире не происходит, да и в других мирах тоже ничто не происходит просто так, – говорила Нина Филипповна. – За любым событием всегда что-то кроется, у всего есть вполне определенная побудительная причина. Если начали падать с неба камни, значит, пришла в действие некая скрытая сила, значит, отозвался потревоженный кем-то и возбужденный принцип».

Что еще за принципы такие? Пока это ему было непонятно.

«Всем в нашей жизни управляют принципы, их ровно семь. Недаром число семь лежит в основе мироздания. Потому и лежит, что принципов именно семь. Вспомни радугу или те же семь нот в тишине... Принципы, собственно, в совокупности своих директорий создают, формируют жизнь, видимую и невидимую, такой, какой она есть. Принцип суть закон и неодолимая сила».

«Хорошо, – подумал Веня, – пусть принципы, мне-то что это дает? Что мне за дело до них, каким местом я их касаюсь? Тем более – они меня?»

Он постарался сосредоточиться, сконцентрироваться, чтобы взглянуть на жизнь свою, следуя заветам дедушки Ошо, – отстраненно, со стороны. Ему важно было понять, заметить и определить – где, когда и какие принципы он нарушал. И вообще, о каких принципах идет речь? Уж, наверное, не о тех, которые придумывают себе люди, чтобы опираться на них, следуя по жизни. Большинство и вовсе принципами не заморачиваются, ковыляют, ползут или катятся без них, как придется. И многие довольно скоро приходят к выводу, что без принципов жить не обременительнее и куда как легче. Вот у него, к примеру, есть принципы? Что он может сказать о себе? Кроме того, что всю свою жизнь старался следовать двум, пожалуй, правилам: не подличать и не брать чужого. Опять же, правила – это всего лишь правила, или они и принципы тоже? Правила могут меняться, это всем известно, чаще всего так в жизни и происходит, а вот принципы, с ними как?

Он закрыл глаза и попытался унять белый мысленный шум в голове, за которым, как казалось, прячутся нужные и правильные мысли. Шум постепенно стих, но за ним ничего не скрывалось, а была одна лишь лиловая пустота. Так что Веня в очередной раз убедился, что мозг – его, во всяком случае, – работает совсем не так, как электронный прибор, приемник или компьютер. Кнопки включения у него нет совсем, он сам включается или выключается, когда захочет, и при этом работает исключительно по своей внутренней программе. Вот и в этот раз, выдержав довольно-таки продолжительную паузу, мозг, вместо ожидаемого резюме по поводу принципов и того, что может быть с ними связано, открыл дверцу памяти и для чего-то извлек оттуда старый-престарый файл. Такой старый, что более давних воспоминаний в его памяти, похоже, не было. Во всяком случае, в открытом доступе, таких, что можно было бы взять в любое время, попользоваться и положить обратно, на то же самое место. И это удивительно, потому что воспоминание то было странным и необычным по содержанию, и было оно о его первой в жизни краже.

Трудно сказать, к какому конкретно времени относилось воспоминание и сколько ему тогда было лет. По каким-то косвенным признакам и по общему ощущению он предполагал, что около трех, чуть больше или чуть меньше. Он был вместе с отцом, и, хотя спутника своего он видел лишь как туманный силуэт с едва угадываемыми родными чертами, это был, несомненно, он, ибо с кем еще он чувствовал бы себя так хорошо и спокойно? Причем лицо отцу в этом воспоминании он дорисовывал сам и совсем другое, то, которое было у него в более старшем возрасте и которое он уже хорошо помнил. Но эти детали, в общем, не так важны для сути воспоминания. Отец привел его к кому-то в гости, Веня отчетливо помнил, как они зашли в просторную и светлую комнату, в которой уже находились люди, кажется, другой мальчик и какой-то мужчина, очевидно папа того мальчика. Зачем они туда пришли, совершенно непонятно, наверное, для того, чтобы познакомить его с тем мальчиком, но никаких воспоминаний о нем в памяти Лиса больше не сохранилось, как и воспоминаний о том, какие разговоры и о чем велись тогда. Зато он отчетливо помнил, что были показаны ему какие-то игрушки, ну а чем еще занимается мальчик другого мальчика, который пришел к нему в гости? Показывает свои драгоценности.

Всех продемонстрированных маленьким хозяином сокровищ Веня не запомнил, однако помнил отчетливо сквозь всю толщу минувших с того дня лет небольшую, не больше его ладошки, модель двухмоторного самолета. Самолетик был отлит из какого-то серебристого металла, был достаточно увесист и отлично ложился, распластав крылья, ему на руку. Веня помнил, как будто это было вчера, как сладко заныло его сердечко от восторга. И как невероятно сильно, словно воды в пустыне, захотелось, чтобы эта вещь принадлежала ему. Это был предел его мечтаний! На тот момент, естественно, но маленькое сердце живет именно такими моментами. У него возникло такое чувство – он помнил, – будто он встретил частичку себя самого, и эта частичка желала во что бы то ни стало соединиться с целым, а целое не могло ощущать себя таковым без нее. Веня посмотрел на отца полными мольбы и слез глазами, но отец его взгляда не понял. А может, и понял, потому что нельзя было не понять его, маленького человечка, желания, но что он мог поделать? Самолет принадлежал другому мальчику, поэтому Веню вежливо, но настойчиво попросили положить модель на место. Что, скрепя сердце, он и сделал. Кажется, что сделал.

Здесь, кстати, в его воспоминаниях была небольшая лакуна. Как там было на самом деле, он не помнил, то ли положил он самолетик на стол, а потом снова взял, то ли сразу сунул в карман, но факт тот, что из гостей он ушел с трофеем. Но его ведь еще надо было легализовать, а как это сделать? Веня решил вопрос быстро. Он забежал вперед и там сунул самолет в лужу. Да, там была лужа, и в нее он сунул свою добычу. А потом позвал отца и указал ему на вещь: смотри, мол, я нашел! На этом, кстати, воспоминания его обрывались. Напрочь! Что с тем самолетом было дальше, он совершенно не помнил. Скорее всего, его обман раскрылся, его изобличили в краже и наказали, а самолет вернули законному владельцу.

В этой истории Веню всегда занимало два момента. Первый – откуда в его маленькой трехгодовалой голове могла появиться мысль, что если у тебя чего-то нет, а у другого есть то, что тебе нужно, то это что-то можно взять, потому что тебе нужней?

И второй – как он, опять же трехлеток, для того, чтобы выдать украденное за честную находку, придумал такой трюк с лужей?

Не важно, удачный трюк или неудачный, но как он смог его придумать? Он ведь даже не напрягался, знание появилось в его голове, как вспышка. Словно зажгли свет. Это что вообще такое? Это как можно объяснить? Ведь тогда он еще не связывался ни с какой плохой компанией, не было у него другой компании, кроме отца с матерью. Откуда же эти мысли и эти знания могли появиться в светлой и не запыленной еще жизнью голове? И вообще, это свойственно всем детям и рано или поздно в той или иной мере проявляется или же только ему, тогдашнему?

И, наконец, не может ли быть так, что некий шлейф привычек и даже каких-то навыков и умений тянется за нами из прошлой жизни? Хотя бы поначалу, пока не будет стерт или заменен чем-то другим? Он не знал, как ответить на эти вопросы. Не знал раньше, не знал и теперь. Но вопросы не исчезали от того только, что на них не было ответов.

В дальнейшем же отношения с воровской удачей у него не сложились. Да, теперь Веня подумал, что после истории с самолетом ему все-таки хорошо объяснили, что так делать нельзя. Не сразу, надо признаться, еще была пара эксцессов, когда он не мог удержаться от того, чтобы не запустить руку в чужой карман или подхватить оставленную кем-то на видном месте игрушку. Но в классе пятом школы это все полностью прекратилось. Тогда, помнится, с ним случилось прямо противоположное.

К зиме вместо варежек ему купили первые взрослые перчатки. Это были отличные вязаные двухслойные перчатки, они так замечательно сидели на руках, он так ими гордился и не мог нарадоваться, что теперь они у него есть. Но эта радость быстро закончилась, буквально в первый же день. Он оставил перчатки в кармане пальто, которое, как обычно, сдал в школьный гардероб, а когда после уроков надел пальто вновь, карманы его уже были пустыми. Он помнит, как накрыла его волна отчаяния и мир сразу стал чужим и враждебным. Хотелось кричать и выть от обиды, да кто услышит? А если услышит, кто поможет? Перчатки уже не вернуть.

Из этого печального, но, в общем, проходного момента своей жизни он вынес два урока. Во-первых, как закрепление пройденного, что воровать нехорошо. Тем более что рано или поздно это бумерангом вернется к тебе и ты неожиданно лишишься самого нужного. Будет очень обидно. И, отсюда, во-вторых: за добром следует внимательно приглядываться, так как далеко не все усвоили урок номер один.

В общем, после того давнего случая с перчатками у него как отрезало, и ничего чужого он больше никогда не брал. И все, кто с ним общался, знали его шепетильность в этом вопросе. Поэтому-то так неприятно поразила его недавняя история с комодом, в краже которого заподозрили его. Теперь-то он понимал, что сделали это неспроста, но зачем это было нужно и кому выгодно, сообразить не мог. Это все к вопросу о принципах. Украсть и подставить другого, невинного, – вот он бы так никогда не поступил, не смог бы. Не укради, не подличай. Но это его принципы, наверное, не все, но основные, по которым живет он сам. К другим правилам, кстати, он всегда относился довольно лояльно, резонно считая, что нет нужды чрезмерно напрягаться там, где можно проявить гибкость. Только вот имеют ли его принципы отношение к тем, о которых говорила Нина Филипповна? Все-таки принципы, определяющие и формирующие жизнь вообще, как феномен, глобально, – это, очевидно, нечто совсем иное, по масштабам и по мощи. Тем более невероятно, что вся эта изначальная силища могла ополчиться на него. А главное, за что? Вот загадка.

Загадка или не загадка, но хотелось бы все же выяснить, почему так складывается его жизнь? Не дурак же, не пьяница, не пофигист какой, наоборот, кое в чем и талантлив даже, но тем не менее в итоге все получается из рук вон плохо и с каждым днем – хуже. Особенно в последнее время. Другой бы плюнул, махнул рукой, а он зачем-то упирался изо всех сил, дурак такой. Что он хотел кому доказать? Что он мог доказать? Никому и ничего. Впрочем, если уж кому-то что-то доказывать, так в первую голову себе. Что он не пустое место и что нельзя с ним вот так, бесцеремонно и нагло, обходиться.

Поэтому он обязан разобраться во всем и докопаться, кто же ему вредит и за что. Кто и за что? Не должно быть наказания без вины. Если он виноват – пусть объявят, в чем его вина, и тогда он готов возместить. Если невиновен – пусть оставят в покое.

Какие-то силы, какие-то боги. Принципы. Какое им дело до отдельно взятого человека? Но почему-то они вредят ему, именно ему. Мстят? Почему? За что? Что такого он сделал в этой жизни, за что теперь его достают? Он не знает за собой, не помнит никакой вины. Так... тогда, может быть, в другой жизни? О господи! И как теперь быть? Как вырваться из этого круга?

Кто и когда скажет: хватит! Довольно! Короче, его все это уже допекло, достало, подперло под горло так, что не вздохнуть. Весь этот бред. Пришла пора разобраться.

Легко, однако, сказать – разобраться. А с чем именно? С прошлой жизнью? Но с какой? Или с которой?

И тут посреди сумбура, хаоса и сумерек сознания вдруг перед Лисом замаячил призрачный пока выход, он же – переход, уже на другой план бытия, нематериальный.

– О господи! – повторил он вслух ставший привычным в последнее время возглас. Вот этого ему только не хватало! Нет, когда просто потрепаться или если посмотреть передачу по телевидению, тогда пожалуйста. Тогда со всем наличным интересом и вниманием. Но вот так, в реальности, забраться в дыру в собственной голове, которую сам же и расковырял? Нет, к этому он не готов. Рановато ему, пожалуй, не созрел еще.

А не упустил ли он чего? Какой-то мелочи или совсем не мелочи, какого-то факта, события или, может быть, вещи? Чего-то, в чем заключен ответ или подсказка, что лежит на поверхности, рядом, и предательски молчит? А ведь что-то такое должно быть, и оно есть, он чувствовал, почти осязал, но вспомнить никак не мог. И снова, и снова он запускал мысли в поисках ответа по кругу.

Он вскакивал с кресла и начинал кружить по квартире, наткнулся на мебель, цеплялся плечами за углы и косяки, вглядывался в глаза ежей в надежде разглядеть в них подсказку, ну хотя бы искру. Он подолгу замирал у окна, всматривался в дали, но дали не были ясны и открыты, их заволакивал туман. Такой же студеной сумрак, словно ожившая старая амальгама, постепенно стал наполнять и квартиру, но он был никак не свойством пространства, а его личным внутренним свойством. Особым состоянием, в котором, он ощущал, время его замедлилось, почти остановилось, но не полностью. Время замкнулось и закружило в просторном хороводе, центром которого был он сам. И тогда в это медленное коло стали вовлекаться факты, события и мысли, которые он неоднократно уже передумал, и совсем новые картины, предметы, даже запахи и звуки в виде знакомых и сразу узнаваемых образов. Он не мог сказать, все происходило перед его внутренним взором или же выплеснулось наружу, вовне. Да-да, все стало единым, растаяла перегородка между ним, его сознанием и внешним миром. Он пребывал в радостном и трепетном подъеме, которого не испытывал никогда прежде, словно омыл его душу живительный поток и, наконец, сейчас, сейчас появится в нем то, что он жаждал найти и узнать...

И тут в эту искусственную идеальную конструкцию сознания ворвался посторонний звук и разрушил ее. Поток рассыпался на звонкие осколки, а вместе с ним разбилась и надежда на скорую разгадку. Волшебная амальгама растаяла, пространство стало прежним, обычным пространством Мишкиной квартиры, в дверь которой кто-то тихо стучал.

Да, сомнений не было, кто-то стучался, очень осторожно, короткими сериями. Тук-тук-тук. Пауза. Тук-тук-тук. Снова пауза. И опять тук-тук-тук... Кто-то стучал в дверь, делая паузы и прислушиваясь, не возникнет ли за ней какого ответного движения, и снова стучал. Очень тихо и деликатно, явно боясь потревожить и надеясь на то, что ответа не будет. «Но почему не используют звонок? – слегка удивился Лис. – Проще же позвонить, или он не работает?» Он нахмурился, отмахнулся от своего вопроса. Какая ему разница, звонят или стучат? Итог-то один: ему мешают, его отвлекают, его прерывают на самом интересном и важном месте его размышлений. Он замер там, где его застало вторжение, на пороге прихожей, он даже стал дышать через раз, осторожно и тихо-тихо, стараясь не выдать себя ничем и надеясь, что тот, за дверью, в свою очередь поймет всю тщетность своих попыток достучаться и уйдет восвояси. Да, вот именно так, по-японски. Восвояси.

Глава 7

Явление Анны и ежики моченые

Незнакомец за дверью был настойчив. Чрезмерно настойчив. И когда Лис вовсе перестал дышать, он уловил тихий, как шелест сквозняка, шепот из замочной скважины:

– Веня, Веня... Вениамин! Открой, я знаю, что ты там... Его поразили не столько слова, сколько голос, которым они были произнесены. Он узнал его, он принадлежал Анне, Мишкиной бывшей. Пребывая в удивленном, притом весьма, состоянии, Веня сделал два шага вперед и повернул замок. Дверь сразу же приоткрылась, и в образовавшийся небольшой проем быстро просочилась своим округлым, фигуристым телом Анна и сразу защелкнула за собой замок. Она чмокнула Лиса в щеку, попутно смутив его упругостью бюста, и прошла в комнату. Сохраняя ощущение ее прикосновения, удерживая поцелуй на щеке прижатыми к ней пальцами, Веня последовал за ней.

– Ты один? – спросила Анна, утвердившись в центре комнаты, под люстрой, и оглядываясь.

– Ну, разумеется, я один, – пожал плечами Лис. – А ты хотела здесь встретить кого-то еще?

– Нет-нет! – отрезала гостя, как-то уж очень нервно дернув плечом, и, отвернувшись, отошла к стене, где на серванте зло косили глаза на бывшую хозяйку ежи. – Ежики... – произнесла она голосом грустным от воспоминаний и легкой рукой прошла, едва прикасаясь, по колючкам. Ежики, уловив ее грусть, и нежность, и другие чувства, тут же ее простили. – Нет, – повторила Анна, – я хотела... Мне нужно было увидеть тебя.

– Но никто, ни одна душа не знала, что я здесь, – недоверчиво протянул Веня. – Кроме Мишки, конечно...

– Он совершенно ни при чем, – поспешила успокоить его Анна. – Это немного трудно объяснить, но... Я просто знала, что ты здесь, и все. И, в конце концов, если это так, все остальное не важно.

– Но я-то тебе зачем понадобился? – продолжая думать о своем, тупил Веня.

– Неужели это нужно тебе растолковывать? – вместо ответа спросила, словно щелкнула пальцем по лбу, Анна. Голос ее – и так низкий и грудной – провибрировал, опустившись почти до инфразвука. Ну да, ну да, когда она использовала эти свои обертоны, у него всегда начинала поддрагивать его мужская железа. Она, наверное, догадывалась об этом и просто подразнивала его. Самка. Но раньше был Мишка рядом с ней, и она, посмеиваясь и забавляясь, ускользала за его широкую спину. У него, кстати, была Марина... Теперь же все изменилось, все стало по-другому. Так что же теперь?

Анна сняла очки и, сдвинув ежеиков, положила их на сервант. Глаза ее, зеленые, близоручие, сразу приблизились. Свободным жестом она откинула со лба волосы и, запрокинув голову, посмотрела в лицо Лису. Руки она опустила вдоль тела, положив ладони на бедра, одна чуть выше другой, и прижала локти к талии. Женщины умеют, когда надо, так сгруппироваться. И вот она уже и скромная, и покорная, а в запрокинутом лице – вызов. Ну вот что с ней делать? А делать с ней теперь следовало только одно.

Удивляясь своему нахальству и, больше, смелости, Лис взял Анну за руку и повел за собой. Ее ладонь была теплой и не дрожала.

Сколько он ее помнил, она всегда носила облегающие, по фигуре, платья, и ему казалось, что снять их можно только распоров ткань ножом. Он ошибался, он ничего не знал об этом. Платье соскользнуло с ее тела, словно покрывало с памятника, едва он расстегнул застежку сзади на воротнике.

Небо опрокинулось, и он вместе с ним. Покачнулся и упал, погрузился в мир тактильной нежности и тепла. Это был невероятно щедрый и благосклонный к нему мир. Процессы, в нем протекавшие и господствовавшие, были просты, приятны и всеобъемлющи, они увлекали, кружили и убаюкивали, словно теплые воды протоокеана. А когда все вскипело, вспенилось, а потом постепенно успокоилось, он долго лежал на спине на широкой кровати и смотрел в потолок, обнимая прильнувшую к его плечу и притихшую Анну. Было тепло и спокойно, не хотелось ничего вспоминать и ни о чем думать. Он не испытывал сожаления по поводу произошедшего, но и особой радости, тем более гордости самца-победителя тоже не было. Зато в душу его снизошло умиротворение, которого он не испытывал уже давно, и это было здорово, и это было то состояние, из которого ему абсолютно не хотелось выходить. А хотелось оставаться в нем, сколько было в его власти, но, по своему обыкновению, из ниоткуда явились мысли, легкие о бланка-предвестники на безоблачном небе, и принялись равновесие нарушать.

Как странно все складывалось. Просто невероятно. Разве думал он когда-нибудь, что между ним и Анной может произойти нечто подобное? Мечты, фантазии и предположения, конечно, возникали, поскольку его мужское начало не могло никак не откликнуться на ее вызывающую женственность, не скрываемую к тому же, а гордо демонстрируемую, словно штандарт. Но прежде существовало табу, которое он даже не пытался переступить. А теперь табу исчезло, вместе со многими другими вещами, и он смог... Они смогли. «Вот интересно, – подумал Лис, – переспать с женой друга, пусть и с бывшей, пусть и с другом у тебя отношения непонятные, и все же, переспать с его женой – это нарушение закона, или того самого принципа, основополагающего? Или это совсем другое и принципы здесь ни при чем?» Точного ответа он, как обычно, не знал, хотя, по ощущениям, да, являлось нарушением. Но, к своему удивлению, он не рефлексировал по этому поводу, не раскаивался и ни о чем не сожалел. Жизнь все-таки процесс не линейный, а скорее алхимический, и чистое золото в нем образуется из смеси совершенно разных, зачастую несовместимых ингредиентов. Все зависит от внутренней логики событий, главное – уловить ее и почувствовать. Вот и он, ему казалось, иногда улавливал логику того, что происходит... Но понять ее до конца все равно не мог.

– Я не жалею, что мы сделали это, – откликаясь на его мысли, сказала тихо Анна. – Напротив, я рада, что так случилось, и мне было хорошо с тобой. Хотя никогда не думала, что ты когда-нибудь решишься. Скажи мне кто еще вчера, удивилась бы страшно. Маринка, если узнает...

– Да все равно, – не признал опасности Веня.

– А-а-а, – сообразила Анна, – ты ушел от нее. И поэтому ты здесь.

– Можно и так сказать.

– Так и есть, не темни. Если тебе интересно мое мнение, давно нужно было...

Они помолчали, ощущая оба, что молчание сближает их. Пришло понимание, что любовниками они стали случайно и на короткий срок, а вот союзниками будут всегда. Только в чем союзниками и против кого? Не столь суть важно, просто возникло ощущение близости, основанное на расположении и благодарности, и это было правильное чувство.

– Скажи, – прервав паузу, уронил камень вопроса в озеро тишины Лис, – тогда... Что случилось, почему?... Ты с Мишкой... Ведь все было у вас хорошо. Так казалось. Я тоже так думал.

– Так и было, – вздохнув, согласилась она. – Но, как оказалось, только казалось.

– В каком смысле?

– В прямом. Была лишь видимость счастья, иллюзия любви. Ты думаешь, он что, просто так по полгода в своих экспедициях пропадает? Нет, не просто так. У него там другая женщина есть, другая семья.

– Да ты что! – удивился Веня. – А как ты узнала?

– Узнала... – сказала Анна неохотно. Помолчав, она продолжила, с трудом подбирая слова, явно через силу: – Однажды, когда Михаила не было уже давно, месяца полтора, что ли, ночью раздался телефонный звонок. Я сразу почувствовала тревогу, сердце просто сжалось в ожидании плохих известий. Я сняла трубку, но никто ничего не говорил. Только в наушнике явственно различалось чье-то дыхание. Напряженное дыхание на фоне тишины. И при этом я была уверена, я знала, что звонит женщина. Я тоже молчала, правда, почти не дышала, дыхание у меня будто отнялось. Так мы пообщались, если можно так выразиться, молча, минуты три. А потом на том конце положили трубку. И тогда я поняла, что этот молчаливый звонок был для меня черной меткой. Дня три я места себе не находила, а потом сообразила, что тот номер, с которого звонили ночью, сохранился в памяти телефона. Так и было. Я нашла его. И я позвонила...

– И что там? – не выдержал Веня. – Кто там был?

– Кто был... – повторила Анна вопрос, словно проверяя его на слух. – Ответил Михаил, а его голос я, слава богу, знаю. Но меня больше всего сразило то, что фоном его «алё!» звучали детские голоса. Я-то звонила днем... Он, понятное дело, уверял меня, что будет в такой глуши, где никакой телефонной связи нет.

– Дети?! – удивился Веня. – Но ведь у вас и так двое?

– Двое, – подтвердила Анна. – В общем, я собрала вещи, забрала детей и ушла.

– Но погоди, как же теперь? Как ты, с детьми, одна? И вообще?

– Ничего, справлюсь. Я же сильная. И молодая, все у меня еще будет! Вот, кстати... – Она, опершись на локоть, приподнялась и посмотрела ему в лицо. – Раз уж наши обстоятельства такие схожие, ну, и после того, что произошло, не хочешь ли объединить наши усилия и, так сказать, устремления? Верней и преданней жены, чем я, тебе не найти. Поверь мне. Ну и откормила бы тебя, наконец, а то ты истощал совсем. Как я готовлю, ты знаешь. Ну, что скажешь?

Веня слегка растерялся. Перспективу так сразу устроить свою личную жизнь он не рассматривал, поэтому предложение Анны застало его врасплох.

– Спасибо за доверие, конечно, – промямлил он, – но я пока не готов. Даже не думал об этом. И, знаешь, сейчас и не время об этом думать. Надо сначала кое с чем разобраться, потом, может быть... Подумаем, обсудим...

– Да не напрягайся ты так, расслабься! – засмеялась Анна. Притянув к себе его голову, она поцеловала его влажными губами куда-то в угол рта. – Я пошутила. Хотя ты знаешь, что в каждой шутке только доля шутки, поэтому, когда будешь готов, – приходи. И мы обсудим твое предложение! Только смотри не опоздай... Бабье время бежит быстро, вынуждает потопляться. Ну, мне пора.

Потом, глядя, как спокойно и деловито, не обращая на него внимания, Анна одевается, он неожиданно спросил ее:

– Послушай, я так и не понял, как ты узнала, что я здесь?

– Странная история, – сказала она, каким-то хитрым способом проникая в платье. – Я не собиралась, даже и не думала. Просто шла по своим делам, здесь, неподалеку. И на углу, на перекрестке, ты знаешь, у гастронома, возле газетного киоска, увидела какого-то человека с экзотической внешностью. В странных одеждах индийского, быть может, типа, но я не уверена. В хламиде какой-то. Он играл на фантастическом струнном инструменте из высушенной тыквы и пел заунывно на незнакомом языке. Несмотря на это, мне удивительным образом было понятно, о чем он поет. А в голове на все лады, словно припев, крутилось: нарада, нарада, нарада... Что за нарада – ума не приложу. А потом подумала, что раз уж я здесь, то должна тебя увидеть. Это вообще странно, почему я была уверена, что ты здесь, в этой квартире, и это ощущение, что должна тебя увидеть. Прямо зов какой-то, честное слово. Трудно объяснить.

Остальное ты знаешь. Ну и знай еще, что я нисколько не жалею о нашей встрече. Напротив, рада, что так все случилось. Впрочем, я это уже говорила.

После ухода Анны Лиса вновь с головой накрыла тишина пустой квартиры. Все, что произошло накануне, было странно и необъяснимо, но уже не существовало, как перестает существовать всякое настоящее, просачиваясь и истекая в прошлое. Что осталось в воспоминаниях, уже не жизнь, а лишь ее отголоски и отблески, и в таком качестве деталь другого настоящего. Но – существенная деталь, способная отравить или украсить его. Вене было хорошо. Жизнь совершенно неожиданно подарила ему удивительное событие, тем самым дав понять, что она, жизнь, вовсе не собиралась ставить на нем крест. А значит, не все еще потеряно для него и он выберется из своих передраг.

Тут в голове его возникло слово, названное Анной, и, обрастая смыслом, капля за каплей стало обрушиваться в тишину: нарада, нарада. Он сообразил, что слово обозначает имя, и это имя ему знакомо. Вдруг вспомнилось еще, как месяца два назад, может больше, еще до этих событий, но практически непосредственно перед ними, что важно, у него случилась встреча, похоже, с тем самым человеком, о котором рассказала Анна. Только тогда он был одет не в восточные одежды, а вполне обычные, правда, сильно поношенные, словно с чужого плеча, отчего был похож на старьевщика.

Он пристал к нему на улице с предложением купить у него что-нибудь. Да вот хотя бы эту резную доску. Как репей прицепился, купи да купи. И ведь с чего-то взял, что именно его заинтересует такое старье. А доска была очень старой, бесспорно. Панно размером с небольшую картину, не больше полуметра в длину. Или в ширину, там даже не вполне ясно, как ее располагать. Темная доска казалась почти черной из-за покрывавших ее слоев лака, какой-то еще краски и, конечно, грязи, так что разобрать ни что там изображено, ни даже породу древесины было невозможно. Дерево, кстати, было очень странное, в ободранных от лака местах по виду похожее на темный янтарь или на старую-старую кость. Веня ничего подобного не встречал. Да, он взял бы ее, конечно, без раздумий, тем более что любил такие вещи, профессионально занимаясь реставрацией предметов из дерева, но денег у него тогда, как обычно, не было. Не то чтобы лишних – вообще нисколько. Но тот странный тип, Нарادا, похоже, вопросом денег не заморачивался, зато ему почему-то хотелось, чтобы вещь оказалась непременно у Лиса. В итоге так и вышло, он купил ее за символический рубль. Марина зашипела на него, мол, тащишь домой всякую дрянь, лучше бы делом занялся да денег заработал, поэтому он поскорей убрал панно от глаз подальше, сунул его на шкаф, да и забыл про него. Как выясняется теперь, забыл основательно. И немудрено, начавшиеся вскоре события капитально очистили его память от мелочей.

И, странное дело, чем больше Лис вспоминал ту старую доску и про загадочного Нараду, тем большее значение приобретало это событие, этот факт в его сознании. Все сильнее росла его уверенность в том, что Нарада со своим артефактом появился в его судьбе не случайно. Нелогичная, иррациональная идея, но она была, и просто так от нее отмахнуться Веня не мог. Тем более что память, раскрываясь и распускаясь, предоставляла все новые подробности его встречи с восточным человеком Нарадой.

Помнится, тогда он показался ему едва ли не безумным, потому как речи его были мало-понятны, и лопотал он что-то невразумительное. Бери, бери, кричал он, суя ему свою деревяшку. Вещь, мол, стоящая, не каждому в руки дается, а ты типа один из немногих, ты избранный, бери. Что за чушь, ну? Эта вещь пригодится тебе, талдычил, очень скоро, и так, как ты себе и представить не можешь. Бред какой! А если что непонятно будет, я тебе, мол, подскажу. Никто не подскажет, а я подскажу, потому что это моя работа – подсказывать. Типа появятся вопросы – найдешь меня. Где найти-то? Смотри, говорил еще, не опоздай! А если уже опоздал,

что тогда? Полный бред! Если разобраться, он тогда ту доску купил, только чтобы отвязаться от торговца. Уж больно силен продавец был и настойчив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.